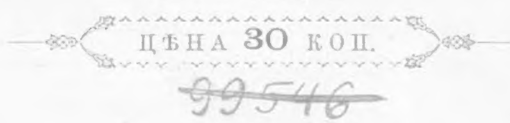
Божерянов И.Н.

Исторический очерк
русского
книгопечатного дела
СПб; 1895

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
РУССКАГО
КНИГОПЕЧАТНАГО ДѢЛА

Составилъ И. Н. Божеряновъ

Весь сборъ отъ продажи этой брошюры поступаетъ: *а*) 40% въ пользу первой Школы печатнаго дѣла; *б*) 20% въ пользу Вспомогательной Кассы наборщиковъ въ Спб. и *в*) остальные 40% въ капиталъ на вспомоществованіе служащимъ и рабочимъ Товарищества «Общественная Польза»

ЦѢНА 30 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Товарищества «Общественная Польза»
1895

Издано иждивеніемъ Товарищества „Общественная Польза", на бумагѣ, пожертвованной фабрикой Конст. Петров. Печаткина, а текстъ безвозмездно составленъ И. Н. Божеряновымъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Февраля 1895 года.

Типографія Товарищества „Общественная Польза", Больш. Подъяч., собств. домъ, № 39.

Книгописаніе въ древней Руси. У насъ печатнымъ книгамъ, какъ и вездѣ, предшествовали писанныя. Переписываніе служило единственнымъ способомъ размноженія книгъ. По словамъ лѣтописца Нестора, переписчики у насъ были уже при Ярославѣ Мудромъ, въ началѣ XI вѣка. Въ древнее время наши монастыри служили школою для народа; они являлись единственнымъ разсадникомъ грамотности. Основатель и первый игуменъ знаменитой Троице-Сергіевской лавры, преподобный Сергій, со своими подвижниками, также занимался перепискою книгъ. За неимѣніемъ бумаги, святитель писалъ книги на берестѣ. Вообще, береста въ древней Руси являлась самымъ распространеннымъ матеріаломъ для писанія книгъ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ сохраняется берестяная книга, шитая лыкомъ. Кромѣ того, въ Библіотекѣ хранится родъ росписки изъ Сибири, XVII в., на берестѣ, которая служила также и для черченія межевыхъ плановъ. Въ юридическихъ актахъ XV столѣтія нерѣдко встрѣчаются выраженія: «да и на лубъ выписались... да и велись по лубу», т. е. на берестѣ.

Современникъ преподобнаго Сергія, митрополитъ Алексѣй, перевелъ и переписалъ собственноручно весь Новый Завѣтъ. Рукопись эта хранится въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи св. Алексѣя. Въ монасты-

*

ряхъ книги переписывались не только для монастыря, но и на продажу. Даже на крайнемъ сѣверѣ, на Бѣломъ морѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, монахи занимались перепискою книгъ, для продажи. Велика просвѣтительная заслуга нашихъ монастырей, въ которыхъ книгохранилищемъ завѣдывали особые «старцы», называвшіеся «книгохранителями». Въ Троице-Сергіевой лаврѣ изстари хранится свыше 800 рукописныхъ книгъ, изъ которыхъ самыя древнія относятся къ XII, а 400 рукописей къ XVI столѣтію.

Переписываніе книгъ происходило чрезвычайно медленно; нѣкоторыя книги писались въ теченіи 2—3 лѣтъ. Лѣтопись, около 180 листовъ, написана монахомъ Лаврентіемъ въ 1377 году, въ 75 дней, т. е. по $2^1/_2$ листа въ день. Остромирово евангеліе, хранящееся въ Публичной Библіотекѣ, писалось еще медленнѣе — именно 203 дня, т. е. по 100 строкъ въ день. Принимаясь за переписываніе книги, писецъ, для веденія строкъ въ равномъ одна отъ другой разстояніи, проводилъ на бумагѣ прямыя параллельныя линіи. Писали крупно — уставомъ, или мельче — полууставомъ, и буквы ставили прямо. На каждой страницѣ оставляли широкіе «берега» во всѣ стороны, т. е. поля. Чернила употреблялись желѣзистыя, сильнаго раствора, глубоко проникавшія въ пергаментъ. Удивительно, что цвѣтъ чернилъ большинства старинныхъ рукописей сохранился до сихъ поръ: онъ не выцвѣлъ. Встрѣчались рукописи «лицевыя», т. е. съ ликами Іисуса Христа и святыхъ, съ изображеніями событій изъ священной исторіи. Такіе рисунки исполнялись весьма тщательно, и нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ удивляютъ тонкой, кропотливой отдѣлкой подробностей, художественностью работы и искусною окраскою. Первыя буквы каждаго стиха, напримѣръ, псалтири были изукрашены золотомъ и красками, съ узорами и цвѣтами. Свои мысли и чувства,

по окончаніи работы, древніе переписчики излагали обыкновенно на послѣднемъ листѣ книги, въ «послѣсловіи».

Съ увеличеніемъ русскаго государства, богатѣли города, умножались въ нихъ жители, росло число церквей, и въ книгахъ все болѣе и болѣе ощущался недостатокъ. Священное писаніе переписывали только по частямъ, и долго послѣ нельзя было найти полнаго списка Библіи. Только въ концѣ XV столѣтія, при Іоаннѣ III, списана была полная Библія въ Новгородѣ, стараніемъ архіепископа Геннадія. Много трудовъ и заботъ положилъ этотъ святитель, чтобы собрать разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ отдѣльныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта, и потомъ сдѣлать съ нихъ полный списокъ Библіи.

Переписываніе книгъ требовало отъ писцовъ нѣкоторыхъ свѣдѣній: кромѣ особеннаго знакомства съ грамотой, они должны были знать съ какого, болѣе или менѣе, правильнаго перевода списывать имъ слово Божіе, чтобы не вводить читателей въ заблужденіе. Однако, рѣдко кто удовлетворялъ этимъ требованіямъ и даже опытные переписчики дѣлали много ошибокъ, въ чемъ они чистосердечно и признавались, прося читателя исправлять ихъ.

Съ развитіемъ рукописнаго дѣла, съ увеличеніемъ спроса на книги, переписываніе ихъ не могло остаться въ рукахъ однихъ только усердныхъ и благочестивыхъ людей, но явились наемные исполнители заказовъ. Перепискою книгъ начали заниматься дьяки. Въ Москвѣ существовалъ особый классъ «добровольцевъ», которые занимались исключительно перепискою книгъ на продажу. Писанными книгами стали торговать на ярмаркахъ. Въ писаніи книгъ, кромѣ писцовъ, принимали участіе и рисовальщики; появилось, такимъ образомъ, раздѣленіе труда. Писецъ оставлялъ пропуски для заглавныхъ буквъ, которыя потомъ киноварью выри-

совывалъ рисовальщикъ. Для сохраненія мѣста на бумагѣ, писцы прибѣгали къ такъ называемой вязи, настолько замысловатой, что требовалось особое умѣнье ее разбирать.

Съ теченіемъ времени, въ книгахъ накопилось множество ошибокъ. Болѣе всего отъ этого страдали книги богослужебныя. Извѣстный поборникъ просвѣщенія на Руси, переводчикъ и исправитель богослужебныхъ книгъ, Максимъ Грекъ, называлъ эту порчу «растлѣніемъ» книгъ. Ошибки писцовъ и преднамѣренныя перемѣны въ текстѣ священныхъ книгъ давали поводъ къ разнымъ кривотолкамъ. Царь Иванъ Грозный, въ 1551 г., обратилъ вниманіе на неисправность писанныхъ книгъ, говоря, что «божественныя книги писцы пишутъ съ неисправленныхъ переводовъ и что ошибку къ ошибкѣ прибавляютъ». Тогда Стоглавый соборъ постановилъ, чтобы священники исправляли тѣ богослужебныя книги, въ которыхъ замѣчены ошибки. Затѣмъ строго запрещалась продажа книгъ неисправленныхъ, т. е. съ ошибками. Если оказывалось, что кто-нибудь продавалъ книгу, завѣдомо неисправленную, съ ошибками, то подобную книгу предписывалось отбирать даромъ — «и тѣ книги имати даромъ, безъ всякаго зазору», а исправивши отдавать въ церковь, которая имѣетъ недостатокъ въ книгахъ.

Начало и развитіе книгопечатанія въ Россіи. Но всѣ эти мѣры были недостаточны для искорененія зла. Чтобы избѣжать ошибокъ въ рукописныхъ книгахъ, слѣдовало измѣнить самый способъ производства ихъ, т. е. начать печатать. И есть сказаніе, что вышеупомянутый Аѳонскій монахъ Максимъ Грекъ, призванный въ Россію въ началѣ XVI в. для исправленія церковныхъ книгъ, совѣтовалъ великому князю Василію Іоанновичу ввести книгопечатаніе, указывая «на многую грубость и нерадѣніе переписующихъ». Въ 1548 г. поручено было саксонцу Шмидту пригласить

въ Россію разныхъ европейскихъ мастеровъ, въ томъ числѣ и типографщиковъ, но правительство ливонскаго ордена не пропустило ихъ. Въ 1552 г. датскій король Христіанъ III прислалъ къ царю Іоанну Васильевичу датчанина Ганса Миссенгейма (или Блокбиндера) съ грамотою, въ которой предлагалъ церковное единеніе и указывалъ на Ганса, какъ на лицо, которому можно поручить печатаніе церковныхъ книгъ. Но первымъ русскимъ типографомъ былъ діаконъ Московскаго Никольскаго Гостунскаго собора, Иванъ Ѳедоровъ, который въ послѣсловіи къ первой изданной въ Россіи книгѣ «Апостолъ», напечатанной въ Москвѣ въ 1564 г., говоритъ, что начали изыскивать «мастерства печатныхъ книгъ» въ 1553 г. Вѣроятно немалаго труда стоило устройство въ Москвѣ первой «русской печатни», если русскіе «первопечатники» (діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и его товарищъ Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ) могли приступить къ дѣлу только чрезъ 10 лѣтъ. Для типографіи построили зданіе рядомъ съ Никольскимъ греческимъ монастыремъ, гдѣ потомъ находился московскій «Печатный дворъ», и здѣсь 1-го марта 1564 г. окончена была печатаніемъ первая въ Россіи книга, «Дѣянія Апостольска и посланія соборная и святаго апостола Павла посланія» [1]). Въ слѣдующемъ 1565 г. былъ напечатанъ «Часовникъ», а затѣмъ вскорѣ русскіе «первопечатники» должны были бѣжать изъ Москвы, (такъ какъ народъ считалъ ихъ еретиками и сжегъ печатный дворъ), скрывшись въ Литвѣ, гдѣ «найвысшій гетманъ великаго княжества литовскаго» Ходкевичъ далъ средства для устройства типографіи въ своемъ имѣніи Заблудовѣ (въ 14 вер. отъ Бѣлостока, Гродненской губ.). Здѣсь Ѳедоровъ и Мстиславецъ напечатали въ 1569 г. «Евангеліе учительное». Вскорѣ

[1]) Книга эта, какъ величайшая библіографическая рѣдкость, хранится въ И. П. Б. въ серебряномъ окладѣ, на особомъ аналоѣ.

Мстиславецъ отправился въ Вильну, куда его звали друзья князя Курбскаго, магнаты Зарѣцкіе и Мамоничи. Оставшись одинъ, Ѳедоровъ напечаталъ въ Заблудовѣ въ 1570 г. «Псалтирь съ Часословцомъ». Мстиславецъ напечаталъ въ Вильнѣ въ 1574—75 гг. «Евангеліе напрестольное», а въ 1576 г. «Псалтирь». Какъ кончилъ свою жизнь Мстиславецъ, въ точности неизвѣстно. Достовѣрно только то, что русскимъ печатникамъ скоро пришлось прекратить свою дѣятельность и въ Литвѣ, гдѣ, послѣ соединенія ея съ Польшею (Люблинская унія 1569 г.), все русское и въ особенности православное, стало подвергаться притѣсненіямъ. Ѳедоровъ удалился во Львовъ, гдѣ ожидали его очень горькія разочарованія. Не разъ обходилъ онъ знакомыхъ и богатыхъ людей и «на колѣняхъ со слезами» просилъ помощи, но всюду встрѣчалъ отказъ, и только немногія духовныя лица и небогатые граждане собрали небольшое пособіе, съ которымъ Ѳедоровъ и приступилъ къ печатанію новаго изданія «Апостола». Книга вышла въ 1574 г. и въ послѣсловіи къ ней Ѳедоровъ въ трогательныхъ выраженіяхъ описалъ свои неудачи и скитальчества. Въ концѣ 1570 г. воевода кіевскій князь Константинъ Острожскій задумалъ устроить въ своемъ владѣніи, Острогѣ (Волынской губ.), типографію для изданія православныхъ церковныхъ книгъ, въ которыхъ тогда нуждалась вся южная Русь. Для этого былъ вызванъ «печатникъ» Иванъ Ѳедоровъ. Онъ тотчасъ заложилъ одному еврею за 411 злотыхъ свои типографскія принадлежности и 140 экз. напечатанныхъ книгъ и направился въ Острогъ. По желанію князя Ѳедоровъ приступилъ къ изданію Библіи, для чего вновь отлилъ шесть разной величины церковно-славянскихъ и греческихъ шрифтовъ. Однако же, первою книгою, напечатанною въ острожской типографіи, была не Библія, а «Новый Завѣтъ съ Псалтирью»; книга эта вышла

въ 1580 г. (in 8), набрана была самымъ мелкимъ шрифтомъ и украшена гербомъ князя. Въ томъ же 1580 г. 12 іюля, отпечатана была Библія, а въ 1581 г., 12 августа, вышло второе ея изданіе. Предисловіе къ Библіи — на греческомъ и славянскомъ языкахъ; текстъ набранъ въ два столбца; все же изданіе, въ особенности по ровности шрифтовъ, считается образцовымъ по своему времени. Лучшимъ доказательствомъ, какъ велика была въ то время въ русскомъ народѣ потребность въ такихъ изданіяхъ, служитъ то обстоятельство, что одновременно съ Библіей и Новымъ Завѣтомъ, изданными въ Острогѣ, было напечатано на югѣ-же Россіи, но неизвѣстно гдѣ именно, «Евангеліе» на церковно-славянскомъ и малорусскомъ языкахъ типографомъ В. Тяпинскимъ.

Устроивъ острожскую типографію, дѣятельность которой продолжалась до половины XVII в., Иванъ Өедоровъ возвратился въ Львовъ; но здѣсь онъ не могъ выкупить своей типографіи и скончался въ крайней бѣдности 5 декабря 1583 г. На надгробномъ его камнѣ сдѣлали, между прочимъ, слѣдующую знаменательную надпись: «Друкарь (печатникъ) книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ». Могила Өедорова скоро была позабыта, и только въ 1820 годахъ извѣстный славянскій археологъ Доленга Ходаковскій († 1825 г.) случайно открылъ на помостѣ Онуфрійской церкви въ Львовѣ надгробіе Өедорова, перенесенное туда повидимому во время позднѣйшихъ перестроекъ съ кладбища львовскаго ставропигіальнаго братства.

По кончинѣ Өедорова, его типографія, по рѣшенію суда, въ 1584 г., перешла въ собственность еврея, у котораго Өедоровъ занялъ деньги предъ поѣздкою въ Острогъ; однако вскорѣ, львовское православное братство, по желанію львовскаго епископа Гедеона Балабана, купило эту типографію за 1500 злотыхъ и тѣмъ положило основаніе извѣстной «брат-

ской» или «ставропигіальной» типографіи. Въ этой типографіи, съ конца XVI до начала XVIII в. (когда братство перешло въ унію), напечатано множество богослужебныхъ и назидательныхъ въ духѣ православія народныхъ изданій: здѣсь же издана въ 1591 г. первая «Грамматика эллинословенская». Тотъ же львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, изъ части матеріаловъ бывшей типографіи Ѳедорова, устроилъ еще двѣ типографіи въ Галиціи: въ своемъ родовомъ имѣніи — Стретинѣ (въ 1604 г.) и въ Клиросѣ (въ 1606 г.). По смерти Балабана († 1607 г.) его наслѣдники продали стретинскую типографію въ 1616 г. кіево-печерскому архимандриту Елисею Плетеницкому; этимъ положено было начало существующей до сихъ поръ типографіи Кіево-Печерской лавры.

Въ Москвѣ же, послѣ бѣгства русскихъ «первопечатниковъ», книгопечатаніе пріостановилось почти на четверть вѣка. За все время съ 1566 г. до учрежденія въ Москвѣ патріаршества въ 1589 г., вышла только одна книга московской печати: «Псалтирь учебная», напечатанная въ 1568 г. Никифоромъ Тарасьевымъ и Андроникомъ Тимофеевымъ Невѣжею, ученикомъ Ивана Ѳедорова; въ этой книгѣ шрифтъ и все прочее, за исключеніемъ большихъ заглавныхъ буквъ, скопировано съ «Апостола» 1564 г. Сохранились еще рѣдчайшіе экземпляры «Псалтири», напечатанные, тѣмъ же Невѣжею, въ 1577 г. въ «новомъ градѣ-Слободѣ», которымъ по словамъ посла папы Григорія XIII—Поссевина, была извѣстная Александровская слобода (теперь Александрово, Владимірской губ.).

Возобновленіе книгопечатанія въ Москвѣ послѣдовало лишь въ концѣ 1580 годовъ, когда, вслѣдствіе крайней неисправности рукописныхъ богослужебныхъ книгъ; потребность въ печатныхъ книгахъ сдѣлалась положительною необходи-

честью. Первою книгою, вышедшею изъ возобновленной московской типографіи, была: «Тріодь постная», начатая печатаніемъ 8 ноября 1587 г. и оконченная 20 декабря 1589 г. Съ тѣхъ поръ книгопечатаніе въ Москвѣ болѣе не прекращалось, несмотря на наступившее вскорѣ смутное время и пожаръ типографіи въ 1611 г., причемъ сгорѣли всѣ прежнія дѣла «Печатнаго двора». Въ теченіе первыхъ 14 лѣтъ существованія новой московской типографіи однимъ изъ главныхъ печатниковъ былъ выше упомянутый ученикъ Ѳедорова—Невѣжа, которому также обязаны знаніемъ печатнаго дѣла многіе московскіе типографщики, работавшіе впослѣдствіи. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича московская типографія устроилась окончательно (около 1620 г.) и въ 1645 г. для нея выстроено было новое зданіе, рядомъ съ прежнимъ, гдѣ теперь находится синодальная типографія.

Въ теченіе всего XVII в. въ Москвѣ печатались почти исключительно славянскія церковныя книги; замѣчательнѣйшимъ изъ этихъ изданій была Библія (въ исправленномъ видѣ), напечатанная въ 1663 г. Изъ книгъ недуховнаго содержанія извѣстны только двѣ: «Ученіе или хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей» (съ рисунками), напечатанная въ 1647 г., и «Уложеніе», изданное по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича въ 1649 г. Замѣчательно, что въ Москвѣ только въ 1637 г. напечатана Василіемъ Бурцевымъ славянская «Азбука», потомъ много разъ перепечатанная. Существовавшія до того времени славянскія «азбуки» и «грамматики» печатались за предѣлами московскаго государства.

О грамотности на Руси и распространеніи типографій. Интересно бросить также взглядъ на грамотность въ древней Руси, свѣдѣнія о чемъ находимъ въ брошюрѣ профессора А. И. Соболевскаго—«О грамотности въ древней Руси XV и XVII в.», на основаніи документовъ съ

рукоприкладствомъ челобитчиковъ, свидѣтелей, поручителей и отчасти на житіяхъ святыхъ; названный авторъ приходитъ къ выводу, что грамотные люди XV—XVII вв., встрѣчались во всѣхъ слояхъ общества. Такъ, духовенство являлось поголовно грамотнымъ; нельзя указать ни одного случая, чтобы священникъ отказался подписаться по безграмотности, нѣтъ также ни одного факта, который опровергалъ бы такое положеніе. Даже документы Енисейска (1640 г.) и Селенгинска (1697 г.) снабжены подписями тамошнихъ священнослужителей. Высшій свѣтскій классъ, бояре и дѣти боярскія были грамотны на половину (50%). Среди купечества грамотность тоже была явленіемъ обычнымъ (отъ 75 до 96%). Грамотныхъ изъ низшаго свѣтскаго сословія встрѣчалось меньше, но, во всякомъ случаѣ, процентъ ихъ между посадскими конца XVI—XVII вв. едва ли можетъ быть опредѣленъ ниже 20%, а между крестьянами ниже 15%. Меньше всего грамотныхъ встрѣчалось среди стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ. Такимъ образомъ, грамотность московской Руси XV — XVII вв., стояла очень высоко и, во всякомъ случаѣ, находилась далеко не въ такомъ печальномъ положеніи, какъ это утверждаютъ епископъ Геннадій, Посошковъ и иностранцы. Учились русскіе люди XVI и XVII вв. въ разнаго рода училищахъ, содержавшихся довольно часто при церквахъ учителями или «мастерами» изъ среды духовенства. Число такихъ училищъ особенно увеличилось послѣ Стоглаваго собора, на которомъ предписано было открывать въ городахъ училища священникамъ, дьяконамъ и дьячкамъ. Въ такія школы собирались дѣти обыкновенно семилѣтняго возраста, а иногда и взрослые и, подъ наблюденіемъ «мастера», «говорили по книгамъ», учились грамотѣ. Такова была грамотность и книгопечатное дѣло въ нашей древней матушкѣ Руси.

Самое же искусство книгопечатанія въ Россіи было

насаждено чрезъ посредство Чехіи и отчасти при вліяніи придунайскихъ славянъ, оно проникло въ западную Русь, откудо перешло въ Москву, гдѣ, благодаря царскимъ средствамъ, основательно выработалось и затѣмъ было выслано обратно въ юго-западную Русь. Здѣсь типографское искусство ожило и внесло свой оригинальный элементъ. Съ тѣхъ поръ въ юго-западной Руси быстро развилось книгопечатное дѣло и, благодаря религіозной борьбѣ съ католицизмомъ, вскорѣ вся юго-западная Русь покрылась печатнями; на сѣверѣ же Россіи книгопечатаніе, какъ началось, такъ и продолжалось до XVIII в. исключительно въ одной Москвѣ. Что же касается мнѣнія, будто бы учителями и руководителями книгопечатнаго дѣла въ Россіи были итальянскіе мастера, такъ какъ въ послѣсловіяхъ къ древнѣйшимъ московскимъ изданіямъ встрѣчаются типографскіе термины чисто итальянскаго происхожденія, какъ напримѣръ: Тередорщикъ—отъ итальянскаго слова tiratore — печатникъ; батырщикъ, накладчикъ краски на литеры, набойщикъ— отъ battitore; пунсонъ, рѣзанная на стали буква для выбиванія изъ мѣди матрицъ, — отъ pounzone; штамба, книгопечатный станокъ и вообще всѣ принадлежности, — отъ stampa и т. д., — то мнѣніе это лишено всякаго основанія, такъ какъ надо помнить, что вліяніе центра тогдашняго просвѣщенія, Италіи, настолько распространялось въ XIV, XV и даже XVI в. на всѣ, въ особенности ново-изобрѣтенныя, мастерства и искусства Европы, что употреблявшіеся тогда техническіе термины были латинскіе или чисто итальянскіе не только въ прирейнскихъ странахъ, но даже въ Англіи, Даніи и Швеціи, и только послѣ реформаціи, вслѣдствіе пробужденія у германскихъ народовъ національнаго самосознанія и вражды къ папству и латинству, мало-помалу, да и то лишь въ концѣ XVI и началѣ XVII в.,

являются попытки въ Германіи замѣнить прежніе термины народными.

Московская типографія, нѣкогда славившаяся своими произведеніями, въ концѣ XVII в. была далека отъ своего прежняго идеала. Такъ, Кемпферъ, бывшій въ Россіи въ 1681 г. и видѣвшій эту печатню, говоритъ, что «она расположена въ трехъ комнатахъ, изъ коихъ въ каждой находится 4 стана, но наборъ идетъ весьма неуспѣшно», т. е. медленно, такъ какъ буквы не имѣли сигнатуры для распознаванія ихъ верхней части.

Вотъ почему Петръ I, увидя за-границей печатни образцовыя, съ отличными шрифтами, охотно далъ разрѣшеніе Тессингу на заведеніе русской типографіи въ Амстердамѣ, а потомъ заказалъ тамъ-же гражданскій шрифтъ и съ типографщиками-голландцами вывезъ все это въ Москву, гдѣ и были отпечатаны первыя книги гражданскими буквами.

Все это является повтореніемъ исторіи книгопечатанія черногорцевъ, которые, устроивъ въ Венеціи печатню для книгъ кирилловскаго шрифта и выучившись тамъ печатанію, перенесли самую типографію въ Цвѣтынь. А относительно русскаго гражданскаго шрифта сербъ Тиролъ утверждаетъ, что у его земляковъ римско-католическаго исповѣданія книги свѣтскаго содержанія печатались гражданскими литерами гораздо ранѣе введенія ихъ Петромъ I въ Россіи, что ему, Тиролу, извѣстна только одна книга, напечатанная такимъ шрифтомъ въ Венеціи въ 1682 г., именно произведеніе Посиловича «О наслажденіи духовномъ», поэтому вѣроятно, русскіе бояре, учившіеся мореплаванію въ Венеціи, узнали тамъ гражданскія сербскія буквы и привезли ихъ въ Россію, гдѣ Петръ I ввелъ ихъ во всеобщее употребленіе. Наконецъ, дѣйствія Петра I относительно книгопечатанія еще подобны дѣйствіямъ Скорины, печатавшаго въ Прагѣ библейскія

книги и перенесшаго потомъ русскую печатню въ Вильну, гдѣ онъ и продолжалъ печатать православныя церковно-славянскія книги.

Первая русская типографія за границей. Купецъ Янъ Тессингъ, по желанію Петра I, завелъ въ Амстердамѣ первую русскую типографію. У потомковъ Тессинга сохраняется подлинникъ грамоты, подписанный въ 1700 г. царемъ, въ которой сказано, что грамота эта выдана по просьбѣ Тессинга «за учиненныя имъ великому посольству (русскому) службы».

Въ семейныхъ преданіяхъ фамиліи Тессинга существуетъ разсказъ, что Янъ Тессингъ зналъ Петра I еще въ Москвѣ или Архангельскѣ и по прибытіи Петра въ Голландію первый узналъ царя, но русскій монархъ просилъ не разглашать тайны и часто бывалъ въ семействѣ Тессинга. Подтвержденіемъ послѣдняго обстоятельства служитъ свидѣтельство самого Петра I въ предисловіи къ «Морскому регламенту», гдѣ сказано о причинахъ, побудившихъ его отправиться въ Англію доучиваться кораблестроенію, такъ какъ въ Голландіи были въ этомъ искусствѣ «точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики»... «Прилучилось быть Его Величеству на загородномъ дворѣ Яна Тессинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ ради выпеписанной причины; но когда, между разговоровъ, спрошенъ былъ, для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно»...

Отпечатанные Тессингомъ чертежи, книги и портреты (персоны) дозволялось ему или его приказчику привозить къ Архангельску, а также и въ другіе города «повальною

торговлею съ платежемъ указанныхъ пошлинъ, на урѣченное время съ настоящаго (1700) г. впредь на 15 лѣтъ».

Уже въ іюнѣ, 1699 г., Адамъ Вейде писалъ къ царю: «сей вложенный листокъ (какой именно — неизвѣстно) присланъ изъ Амстердама отъ Тессинга къ Бранту и будутъ такихъ книгъ на русскомъ языкѣ 600 къ Архангельску присланы».

Но предпріятіе Тессинга по новизнѣ дѣла и малому знакомству съ типографскимъ искусствомъ амстердамскаго купца, вскорѣ потерпѣло неудачу. Такъ около 1708 г. мастеръ, печатавшій книги въ типографіи Тессинга, послѣ смерти его († 1701), не имѣя никакихъ средствъ къ своему существованію, отправился съ славянскою типографіею въ Россію, но на дорогѣ, именно въ Данцигѣ, шведы завладѣли станками и шрифтомъ и стали печатать разныя воззванія къ русскому народу, изъ которыхъ извѣстна прокламація и универсалъ къ малороссійскому народу.

Дальнѣйшая судьба типографіи Тессинга неизвѣстна, а изъ первыхъ книгъ, вышедшихъ изъ нея, видно, что у Тессинга составленіемъ и изданіемъ ихъ занимался Илья Өедоровичъ Копіевскій или Копіевичъ, который въ привилегіи, данной ему впослѣдствіи отъ Голландской республики на печатаніе русскихъ книгъ, назвалъ себя полякомъ.

Еще въ 1698 г. Копіевскій составилъ, по приказанію Петра I — «Краткое собраніе Льва миротворца, августѣйшаго греческаго кесаря, показующее дѣлъ воинскихъ обученіе» и, кромѣ изданія книгъ, давалъ уроки русскимъ князьямъ и боярамъ, бывавшимъ въ Амстердамѣ.

Въ декабрѣ 1699 г., Копіевскій представлялъ царю реестръ книгъ, которыя успѣлъ онъ напечатать или составить въ продолженіе 17 мѣс.; изъ нихъ 4 уже были напечатаны, 13 приготовлены къ печати и 4 еще не окончены. Но не

графіи Копіевскаго напечатаны въ Галлѣ нѣсколько русскихъ книгъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго Симономъ Тодорскимъ.

Нельзя не замѣтить, что Копіевскій старался буквально поддѣлаться къ помѣщенному въ привилегіи Тессинга условію — прославлять русскаго царя и его народъ.

Подчиненіе «печатнаго двора» монастырскому Приказу и введеніе гражданскаго шрифта. Съ учрежденіемъ монастырскаго приказа и назначеніемъ его начальникомъ боярина И. А. Мусина-Пушкина (впослѣдствіи графа) Московскій печатный дворъ, вѣдавшій типографскія дѣла, поступилъ въ управленіе Мусина-Пушкина.

Самая же Московская типографія съ начала XVIII в. до 1722 г. находилась въ завѣдываніи бывшаго прежде справщикомъ, а потомъ директоромъ, Ѳедора Поликарпова. Должность эта въ то время требовала опытности и знаній, такъ какъ исправленіе церковныхъ книгъ, начатое при Никонѣ, продолжалось еще и при Петрѣ I. Послѣ Поликарпова, отрѣшеннаго отъ должности директора за взятки и начетъ въ 4.453 р. $75^1/_2$ к. и два червонца, — до конца 1762 г. начальникомъ московской типографіи былъ Замятинъ, служившій прежде въ камеръ-коллегіи, а потомъ снова былъ назначенъ Поликарповъ, который и умеръ въ этой должности 12 января 1731.

Въ Московской типографіи до 1708 г. печатаніе производилось однимъ славянскимъ шрифтомъ. Въ 1707 г. прибыли изъ Голландіи наборщикъ Индрикъ Силбахъ, тередорщикъ и батырщикъ Яганъ Фоскулъ и словолитецъ Антонъ Демей. Послѣдній привезъ съ собою «новопріобрѣтенныхъ русскихъ литеръ» три азбуки съ пунсонами, матрицами и формами, да «два стана на ходу со всякимъ управленіемъ».

Прибывшіе изъ Голландіи типографщики служили по

контракту, поданному въ монастырскій приказъ иноземцемъ Иваномъ Любсомъ [1]) и получили жалованья: литерному литному мастеру Антону Демею (онъ же Толманъ) въ годъ 225 руб., друкарному мастеру Яну Фоскулу и литерному мастеру Индрику Силбаху по 205 руб. каждому, изъ русскихъ двумъ печатникамъ и 3 тередорщикамъ по 5 коп. на день, другимъ 4 печатникамъ, 1 тередорщику и 3 разнаго дѣла работникамъ по 3 коп. въ день.

1 января 1708 г. Петръ I приказалъ печатать новымъ шрифтомъ геометрію, а также и другія книги.

Относительно вышеприведеннаго нами указанія серба Тирола о заимствованіи гражданскаго шрифта Петромъ I отъ сербовъ, академикъ Пекарскій, авторъ сочиненія «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ I», говоритъ, что ему удалось просматривать лишь одну книгу «Зерцало истины» 1715 г., напечатанную такъ называемою босянщицею въ Венеціи и въ ней хотя нѣтъ титлъ, но въ общемъ только улучшенъ славянскій шрифтъ. Буквы же ѧ, ѯ, ѱ, ѕ, ѵ оставлены прежней формы; въ гражданскомъ же шрифтѣ, отлитомъ въ Амстердамѣ и привезенномъ потомъ въ Москву и здѣсь уже нѣсколько измѣненномъ самимъ Петромъ, сдѣланы какъ-бы уступки только славянской азбукѣ, но при изобрѣтеніи имѣлась въ виду латинская азбука съ измѣненіями, которыхъ требовали свойства языка или обычаи и привычки прежнихъ грамотеевъ. Третьяковскій, въ своемъ «Разговорѣ о правописаніи», справедливо полагаетъ, что единственною причиною изобрѣтенія гражданскаго шрифта было желаніе Петра сдѣлать нашу азбуку болѣе похожею на латинскую, какъ болѣе красивую, чѣмъ славянская. «Прекрасна была, —

[1]) Купецъ Любсъ жилъ въ Архангельскѣ, и къ нему Петръ I писалъ 16 іюля 1706 г., чтобы онъ провѣдалъ «въ какую цѣну станетъ компанія друкарей книжныхъ (т. е. типографщиковъ), ежели ихъ нанять на два года».

прибавляетъ Третьяковскій, сія самая первая печать (т. е.— гражданская): кругла, мѣрна, чиста, словомъ—совершенно уподоблена такой, какова во французскихъ и голландскихъ типографіяхъ употребляется; но употребленіе сіе было нѣсколько и чрезмѣрно... Сіе очень россійскимъ сперва было дико и дѣлало нѣкоторое затрудненіе въ чтеніи, особливо такихъ, которые старую московскую съ превеликою запинкою читаютъ».

Книги, напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ, въ эпоху Великаго преобразователя Россіи, считаются всѣ вообще библіографическими рѣдкостями. Это произошло отъ того, что къ 1752 г. въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось разныхъ петровскихъ изданій такое множество, что начальство признало необходимымъ или продавать ихъ на бумажныя фабрики, или же употреблять на обертки вновь выходящихъ книгъ. Послѣдняя мѣра была приводима въ исполненіе въ 1752, 1769 и 1779 годахъ. Разрѣшено было употребить на обертку 11 тысячъ экземпляровъ вѣдомостей разныхъ годовъ и форматовъ, а между ними 3.462 экз. журнала о взятіи Нотебурга [1]), нынѣ извѣстнаго лишь въ трехъ экземплярахъ, изъ которыхъ два корректурные: вѣдомостей за 1722 и 23 годы—2.488 и 1.455 экз., указовъ— около 8.000 экз., календарей—4.552, въ числѣ ихъ 1.812 экз. календаря на 1709 г., который библіографамъ извѣстенъ теперь въ одномъ экземплярѣ, уцѣлѣвшемъ въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра I государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Книгъ ученаго содержанія значится въ помянутыхъ описяхъ по 180, 200 и 300 экз. Такимъ образомъ на обертку истреблено было петровскихъ изданій на

[1]) Профессоръ Иконниковъ въ своей обширной монографіи «Опытъ историографіи» говоритъ, что въ этомъ «Журналѣ» впервые явились въ Россіи арабскія цифры.

7.412 руб. 48 коп., огромную сумму для того времени, и эта сумма была не продажная цѣна книгъ, а оцѣнка лишь казны, во что ей обошлось печатаніе книгъ.

Изобрѣтеніе гражданскихъ буквъ должно быть отнесено къ раннему времени, чему доказательствомъ служитъ книга митрополита Петра Могилы слѣдующаго заглавія: «Евангеліе учительное, альбо казаня на каждую недѣлю и свята урочистыя, чрезъ св. отца нашего Калиста, святѣйшаго архіепископа константинопольскаго и вселенскаго патріарху, по грецку написанное, а теперь повторе з̑ грецкаго и словенскаго языка на русскій переложенное. Благословеніемъ же и повелѣніемъ ясновельможн. в Бозѣ его млст: господина отца Петра Могилы, митрополита кіев. и проч., выдрукованное въ Св. Великой Лаврѣ Печерской Кіев: року αχλζ҃ (1637) августа κε҃ дня».—Въ этой книгѣ всѣ большія заглавныя буквы, отдѣльно напечатанныя, однѣ киноварью (красной краской), другія, поменьше, чернилами въ картушахъ, имѣютъ замѣтную латино-европейскую или гражданскую форму, а не славянскую. Слѣдовательно, наши гражданскія буквы изобрѣтены если не самимъ Петромъ Могилою, то кѣмъ-нибудь изъ кіевлянъ. Петръ Великій могъ видѣть шрифты типографіи Печерской лавры. Ему понравились ихъ очертанія, и онъ могъ приказать отлить такія буквы въ Амстердамѣ. Новое же названіе буквъ вмѣсто стариннаго введено Императрицею Екатериною II въ 1787 году.

Появленіе русскихъ газетъ. Съ начала царствованія Михаила Ѳеодоровича, при отправленіи къ иностраннымъ дворамъ нашихъ пословъ, ставилось имъ въ обязанность не только доносить обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ на пути, но также по прибытіи на мѣсто одновременно съ вѣстями, которыя они провѣдаютъ, «что нынѣ въ нѣмецкихъ государствахъ дѣлается», присылать и выписи

изъ выходившихъ въ тѣхъ земляхъ газетъ. Изъ такихъ посольскихъ донесеній и разныхъ иностранныхъ газетъ въ московскомъ посольскомъ приказѣ составлялись извлеченія, которыя въ формѣ рукописной газеты, подъ названіемъ курантовъ, подносились для прочтенія царю, а отъ него переходили къ немногимъ приближеннымъ лицамъ.

Слово куранты происходитъ отъ латинскаго currens—бѣгущій. Древнѣйшій рукописный экземпляръ русскихъ курантовъ хранится въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и относится къ 1621 году. Петръ I вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ-за границы рѣшилъ учредить на иностранный манеръ печатный органъ, посредствомъ котораго распространялись бы въ народѣ извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ политическихъ и внутреннихъ событіяхъ. Вслѣдствіе этого, 16 декабря 1702 г. опубликованъ былъ слѣдующій указъ: «Великій Государь указалъ: по вѣдомостямъ о воинскихъ и всякихъ дѣлахъ, которыя надлежитъ для объявленія московскимъ и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, а для печати тѣхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ приказахъ, о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ присылать изъ тѣхъ приказовъ въ монастырскій приказъ (вѣдавшій типографскія дѣла) безъ мотчанія, а изъ монастырскаго приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ» [1]).

Воля Петра Великаго приведена была въ исполненіе весьма скоро, не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли послѣ указа, именно 2 января 1703 г., вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ

[1]) Печатнымъ дворомъ въ старину называлось мѣсто, завѣдывавшее сборомъ пошлинъ за прикладываніе казенной печати къ судебнымъ дѣламъ. Въ 1722 г. печатный дворъ замѣнили печатныя конторы въ Петербургѣ и Москвѣ, а въ 1763 г. онѣ были упразднены, и право прикладыванія печати распространилось на всѣ присутственныя мѣста.

первой русской газеты [2]), носившей слѣдующее заглавіе: «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто отъ Христа 1703, отъ генваря, а окончены декабремъ сего же года».

До какой степени изданіе этихъ вѣдомостей близко было Петру I, видно, что онъ самъ назначалъ карандашемъ мѣста для перевода изъ голландскихъ газетъ и даже удѣлялъ время на чтеніе корректуръ. Какъ драгоцѣнный и, можно сказать, священный памятникъ такой высокой заботливости Монарха о просвѣщеніи своего народа, хранятся и теперь въ москов-

[2]) Не говоря о римскихъ «Acta Diurna», греческихъ «Ephemerides» и китайскомъ «Кингъ-го», выходящемъ съ 911 года, первой газетой въ свѣтѣ былъ рукописный листокъ, издававшійся венеціанскимъ правительствомъ въ половинѣ XVI в. и сообщавшій извѣстія о войнѣ съ турками. Хотя этотъ листокъ назывался «Notizie Scritte», т. е. «Писанныя Новости», но такъ какъ онъ продавался за мелкую монету, носившую названіе «Gazette», то вскорѣ сталъ извѣстенъ всюду подъ этимъ именемъ. Когда съ теченіемъ времени подобные листки стали печататься и выходить не только въ Венеціи, но и во всей Италіи, Франціи, Испаніи и Англіи, то они уже стали прямо называться «газетами». Всѣ они, однако, появлялись не постоянно, а только по случаю необыкновенныхъ событій, и сообщали почти исключительно извѣстія о войнахъ и придворныя новости; только съ начала XVII в. возникаютъ настоящія газеты, выходящія если не ежедневно, то еженедѣльно, или въ опредѣленные сроки; первая изъ нихъ была основана въ 1605 г., въ Антверпенѣ, Абрагамомъ Верховеномъ, подъ названіемъ «Nieuwe Tijdingen» (Новыя Новости) и была въ одно и то же время первой газетой и при томъ съ иллюстраціями. Текстъ ея печатался по-фламандски и по-французски. Но во Франціи докторъ Теофрастъ Ренадо выпустилъ въ свѣтъ первый нумеръ своей знаменитой «Газеты», впослѣдствіи принявшей названіе «Газеты Франціи (La Gazette de France) 3 мая 1691 г. и подъ этимъ именемъ выходящей до сегодня. Ему поставленъ на одной изъ площадей Парижа памятникъ.

ской синодальной библіотекѣ нѣсколько нумеровъ съ корректурными замѣтками, сдѣланными рукою Петра I.

Вѣдомости печатались въ количествѣ 1000 экз., и надо предполагать, что ихъ раскупали охотно; въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что многіе, не имѣвшіе возможности достать себѣ печатные экземпляры «Вѣдомостей», списывали ихъ цѣликомъ.

Вѣдомостей 1703 года, которыхъ вышло въ разное время 39 №№, сохранилось только два полныхъ экземпляра, принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ [1]). Въ 1855 г., ко дню столѣтія Московскаго университета, «Вѣдомости» эти были перепечатаны съ соблюденіемъ всей внѣшности перваго изданія, но въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Извѣстный археологъ Малиновскій указываетъ, что главнымъ редакторомъ первыхъ русскихъ «Вѣдомостей» былъ графъ Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ (см. «Энцикл. Лекс.» Плюшара, біографія Головина). Въ 1710 г. въ шрифтѣ «Вѣдомостей» произошла значительная перемѣна: вмѣсто славянскихъ буквъ стали употреблять буквы гражданскаго шрифта; впрочемъ, до 1717 г. въ этомъ отношеніи нерѣдки были отступленія, и многіе номера за это время были набраны по-прежнему славянскимъ шрифтомъ; но съ 1717 г. «Вѣдомости» стали печататься исключительно гражданскимъ шрифтомъ, кромѣ только экстраординарныхъ прибавленій, содержавшихъ въ себѣ реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя печатались еще славянскими буквами. Съ 1711 г.

[1]) Изслѣдованіе о началѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» было сдѣлано извѣстнымъ библіофиломъ С. Д. Полторацкимъ († 1883 г., на 81 году жизни) въ «Московскомъ Телеграфѣ». См. ч. XIV, № 8 (1827 г.) и ч. XXIV, № 22 (1828 г.), а также въ «Сѣверной Пчелѣ» (1838 г., № 66 и 1853 г. № 91, 103 и 172), гдѣ Полторацкій подробно описываетъ «Вѣдомости», изданныя въ 1704 г.

«Вѣдомости» начали выходить попеременно въ Москвѣ и въ Петербургѣ, но петербургскіе нумера перепечатывались потомъ въ Москвѣ. Нѣкоторые нумера 1714 г., выходившіе въ Петербургѣ, украшены довольно грубой работы виньеткою, изображающей Петропавловскую крѣпость, Неву, покрытую судами, и парящаго надъ ней Меркурія. Съ 1719 г. «Вѣдомости» появились въ болѣе обширномъ объемѣ и нерѣдко содержали въ себѣ до 22 страницъ.

Съ 1727 г. изданіе этихъ «Вѣдомостей» прекратилось, а въ слѣдующемъ году редакція ихъ перешла въ Академію Наукъ, которая 2 января 1728 г. и выпустила первый нумеръ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», существующихъ до настоящаго времени. Съ 1729 по 1740 гг. при этихъ «Вѣдомостяхъ» выходили особыя приложенія, извѣстныя подъ названіемъ «историческихъ, генеалогическихъ и географическихъ примѣчаній». Съ 1756 г. въ Москвѣ стали издаваться особыя «Московскія Вѣдомости», первый нумеръ которыхъ вышелъ въ свѣтъ 26 апрѣля 1756 г.

Съ того времени, въ теченіе 68 лѣтъ, кромѣ упомянутыхъ столичныхъ «Вѣдомостей» въ Россіи не было другихъ газетъ. И только въ 1825 г. Н. И. Гречу было разрѣшено издавать «Сѣверную Пчелу», которая долго пользовалась громкою популярностью.

Русскія оффиціальныя изданія въ Пруссіи въ XVIII вѣкѣ. Во время семилѣтней войны русская армія заняла восточную Пруссію, и тогда въ Кенигсбергѣ было учреждено русское управленіе, одинмъ изъ дѣйствій котораго являлось изданіе газетъ, предназначенныхъ для печатанія Высочайшихъ приказовъ, описанія военныхъ дѣйствій русской арміи и опроверженія извѣстій берлинскихъ газетъ. Въ 1758 г. начала выходить на французскомъ языкѣ газета подъ названіемъ: «Gazette de Königsberg», и другая —

на нѣмецкомъ языкѣ: «Königsbergische-Staats-Kriegs und Friedens-Zeitung», послѣдняя издавалась до 1760 г. Къ сожалѣнію, обѣ эти газеты составляютъ такую библіографическую рѣдкость, что ихъ нѣтъ даже въ нашей Имер. Публичной Библіотекѣ.

Въ русской печати объ этихъ газетахъ впервые было упомянуто И. В. Снегиревымъ въ замѣткѣ: «Письменный памятникъ русскихъ въ семилѣтнюю войну», помѣщенной въ изданіи Воейкова «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1838 г., къ которой приложенъ снимокъ съ герба, украшавшаго французскую газету. Гербъ имѣлся на обѣихъ газетахъ и представлялъ летящаго россійскаго двухглаваго орла съ Императорскимъ скипетромъ въ правой лапѣ; во французской газетѣ на груди у орла находилось вензелевое изображеніе имени Императрицы Елизаветы Петровны на щитѣ, окруженномъ цѣпью ордена св. Андрея, а въ нѣмецкой, вмѣсто вензеля, помѣщено изображеніе св. Георгія. Во французскомъ изданіи орелъ держитъ въ лѣвой лапѣ три соединенныхъ гербовыхъ щита, что̀ должно изображать три части города Кенигсберга Alt-Statd, Zöbenicht и Kneiffol; на первомъ гербѣ изображены: вверху королевская корона на серебряномъ полѣ, а внизу — крестъ на красномъ полѣ; на второмъ — королевская корона между двухъ шестиугольныхъ звѣздъ на золотомъ полѣ; на третьемъ — корона, поддерживаемая рукою между двумя охотничьими рогами въ серебряномъ полѣ. Въ нѣмецкомъ изданіи у орла въ лѣвой лапѣ — держава. Изъ этихъ газетъ печатались переводы въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Замѣтимъ также, что въ 1790 г. русская типографія была въ Парижѣ, которую завелъ тамъ любитель печатнаго дѣла — Петръ Дубровскій; богатое его собраніе теперь находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Онъ, какъ

видно изъ письма его къ князю Потемкину, напечаталъ тамъ [illegible] Плутархъ».

Первая типографія въ Петербургѣ и директоръ ея М. П. Аврамовъ. Первая петербургская типографія, по свидѣтельству одного нѣмецкаго описателя Петербурга [1]) петровскихъ временъ, помѣщена была направо отъ въѣзда въ крѣпость, возлѣ бывшей тамъ главной харчевни.

Въ 1711 г. часть московской типографіи была переведена въ Петербургъ, директоромъ былъ Михаилъ Петровичъ Аврамовъ, служившій до того времени въ вѣдомствѣ московской оружейной канцеляріи. Вновь заведенная петербургская типографія помѣщалась на Петербургской сторонѣ, въ собственномъ домѣ Аврамова, до тѣхъ поръ, пока для нея не было отстроено особаго мазанковаго зданія. По своей должности Аврамовъ, кромѣ хлѣбной дачи, получалъ жалованья по 455 руб. въ годъ, а въ 1715 г. оно было увеличено 95 рублями. Въ 1721 г., по случаю подчиненія типографіи Синоду, Аврамовъ былъ переведенъ ассесоромъ въ бергколлегію.

Первый типографскій станокъ, гражданскія литеры и нѣсколько типографскихъ служителей были выписаны изъ Москвы. Вновь заведенная типографія поручена была, какъ мы выше уже сказали, Мих. Петр. Абрамову. Сначала печатаніе производилось подъ надзоромъ типографщиковъ изъ Риги и Ревеля, а потомъ работали тамъ одни русскіе. Первыя латинскія буквы были привезены изъ Риги наборщикомъ Густавомъ Пигримомъ въ 1714 г. Три года спустя мастерами «пунсоннаго дѣла» въ типографіи были голландцы, братья Куни. Въ петровскія времена при

[1]) [illegible] Francfurt und Leipzig, 718 г., стр. 39.

ней состояли живописецъ Адольфскій и граверъ Пикаръ, съ последнимъ работали его ученики: Алексѣй Зубовъ, Алексѣй Ростовскій и Иванъ Мякишевъ.

Первая книга, вышедшая изъ петербургской типографіи, была: «Марсова книга», а съ 1714 г. начали выходить и «С.-Петербургскія Вѣдомости», украшенныя виньетками. Въ 1719 г. московскій «печатный дворъ» и «С.-Петербургская типографія» были переданы въ вѣдомство штатсъ-конторы, а въ 1721 г. та и другая перешли подъ надзоръ Святѣйшаго Синода. Около этого же времени была основана типографія въ Александро-Невской лаврѣ. Петръ Великій, незадолго до кончины своей, посѣтилъ (15 декабря 1724 г.) «С.-Петербургскую типографію» и распорядился, чтобы Аврамовъ былъ въ ней по-прежнему директоромъ. За годъ передъ тѣмъ, Синодъ озабочивался было о сокращеніи дѣятельности петербургской типографіи, но Аврамовъ возсталъ противъ такой мѣры и, въ особомъ донесеніи, излагая всѣ заслуги типографіи въ царствованіе Петра, въ заключеніи настаивалъ, что это учрежденіе «государственной славы и общенародной пользы», не умалять, но распространять слѣдуетъ. Въ 1723 г., Аврамовъ подавалъ царю также «нижайшее мнѣніе о пользѣ умноженія въ народномъ обращеніи мѣдныхъ денегъ и объ учрежденіи государственныхъ адвокатовъ», которыхъ должность состояла бы въ наблюденіи за ходомъ дѣлъ по бумагамъ, поступавшимъ въ высшія инстанціи. Разборъ тяжебъ онъ полагалъ предоставлять выборнымъ изъ судей и отъ всѣхъ чиновъ, «смысленнымъ людямъ», по жребію. Вмѣстѣ съ этими предположеніями у Аврамова явилось и другое, которое можетъ для нынѣшняго времени показаться страннымъ: онъ думалъ, что, для утвержденія тишины и благоденствія въ государствѣ, необходимо напечатать въ большомъ количествѣ экземпляровъ

тетрадки, гдѣ бы помѣщалось: славословіе Божіе, «царю небесный», псаломъ пятидесятый, символъ, заповѣди Господни и церковныя. Тетрадки народъ долженъ былъ учить наизусть и твердо знать, за чѣмъ наблюдать имѣли помянутые выборные. Надо замѣтить, что въ то время, когда Аврамовъ писалъ свой проектъ, вводился во всеобщее употребленіе и насильственнымъ по обыкновенію способомъ извѣстный букварь, составленный Ѳеофаномъ Прокоповичемъ «Первое ученіе отрокамъ». Книгу эту обязаны были имѣть и твердить наизусть церковнослужители всѣхъ епархій; она читалась по постамъ въ церквахъ «вмѣсто книгъ Ефрема Сирина, соборника и прочихъ чтеній». Въ букварѣ Прокоповича были сдѣланы сильныя нападки на прежній методъ обученія въ Россіи, состоявшій только въ машинальномъ заучиваніи молитвъ безъ всякаго пониманія внутренняго ихъ смысла, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложенъ новый способъ усваивать себѣ толкованіе заповѣдей, молитвы Господней и проч. Аврамовъ, подавая свой проектъ, хотѣлъ сказать, что лучше народъ просвѣщать по старинѣ, а не по новымъ букварямъ, но онъ не рѣшился высказаться такому царю, каковъ былъ Петръ — и вотъ онъ подалъ совѣтъ о своихъ тетрадочкахъ, которыя заключали въ себѣ сущность нашихъ старинныхъ букварей. Какъ этотъ, такъ и другіе проекты Аврамовы не имѣли успѣха, но тѣмъ не менѣе онъ оставался директоромъ типографіи до ея упраздненія въ 1727 г., когда книгопечатаніе получило большее развитіе; именно: онаго 1727 г. октября 4 дня по состоявшемуся блаженныя памяти Е. И. В. Государя Петра II, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ указу, велѣно друкернямъ въ Санктпетербурхѣ быть въ двухъ мѣстахъ: для печатанія указовъ въ Сенатѣ, для печатанія же историческихъ книгъ, которые на Россійскій языкъ переведены и въ Синодѣ опробованы будутъ, при Академіи,

съ прочимъ, которые, въ Санктпетербурхѣ были при Синодѣ и Александровскомъ монастырѣ, тѣхъ перевесть въ Москву со всѣми инструменты, и печатать однѣ только церковныя книги, какъ издревле было въ одномъ мѣстѣ въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ Синодальнымъ, и по оному Е. И. В. указу Санктпетербургская типографія въ Москву въ 1728 г. и переведена». При Петрѣ, помимо первой типографіи, вскорѣ были открыты еще три; лучшая изъ нихъ при Александро-Невскомъ монастырѣ, гдѣ печатались узаконенія по духовному вѣдомству, проповѣди Ѳеофана Прокоповича и другія духовныя книги. За типографіей смотрѣлъ наемный справщикъ Степанъ Рудинъ. Онъ долженъ былъ, кромѣ обязанностей по изданію книгъ, обучать своему художеству монастырскихъ служителей. Первою напечатанною здѣсь книгою считается букварь Ѳеофана Прокоповича, носившій названіе «Первое ученіе отрокомъ». Букварь этотъ былъ изданъ одиннадцать разъ. Книга была въ 8-ю долю листа и имѣла около 130 страницъ. Справщикъ александро-невской типографіи, іеромонахъ Ѳеологъ, оставилъ о ней слѣдующую замѣтку: «сдѣлается единъ заводъ съ листомъ киноварнымъ въ 20 дней — справить въ два дня, поднять и связать по 300 книгъ въ день, итого четыре дня. Весь заводъ 1,200 книгъ, выдетъ въ мѣсяцъ. На букварь въ заводъ бумаги пойдетъ 21 стопа и 5 дестей; купить стопу по 40 алтынъ, придетъ десть по два алтына, а листъ по одной полушкѣ. Оной бумаги въ заводъ пойдетъ на 25 рублей съ полтиной».

Затѣмъ при Петрѣ были еще типографіи въ Сенатѣ и Морской Академіи, печатавшія одни указы царя. Вотъ перечень первыхъ петербургскихъ типографій: типографія при Академіи Наукъ заведена была въ 1727 г.; при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1757 г. Во время царствованія императрицы Елизаветы книгопечатаніе въ

Кіевѣ достигло блистательной степени, изданная тамъ Библія, въ 1758 г., считается по художественному выполненію первою по настоящее время. Въ 1762 г. открылась типографія при военной коллегіи; въ 1775 г. — при «Горномъ корпусѣ»; изданія этой типографіи вполнѣ художественны; въ ней преимущественно печатались театральныя произведенія императрицы Екатерины II, съ роскошными гравюрами.

Русскія книги, напечатанныя въ Галлѣ въ 1735 г. О книгахъ, напечатанныхъ въ Галлѣ, мы упомянули выше, но въ «Словарѣ» митрополита Евгенія говорится, что бывшій воспитанникъ Кіевской духовной академіи, Симонъ Тодорскій, учившійся потомъ за границей и, между прочимъ, въ Галльскомъ университетѣ, перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ въ Галлѣ: «Чтири книги о истинномъ христіанствѣ», «Ученіе о началѣ христіанскаго житія» и «Писанію святому согласующееся (sic) наставленія къ истинному познанію и душеспасительному употребленію страданія и смерти Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа». Первыя двѣ книги обозначены, что напечатаны въ Галлѣ, 1735 г. послѣдняя помѣчена s. l. eta., но, судя по внѣшнимъ признакамъ, несомнѣнно издана тамъ же и около того же времени. На экземплярѣ «Чтири книги» въ Императорской Публичной Библіотекѣ имѣется собственноручная надпись переводчика къ какому-то барону фонъ-Эйде: «малый плодъ трудовъ своихъ въ знаменованіе благодарственнаго сердца всесмиренно и всепокровенно подаетъ недостойнѣйшій слуга Семеонъ Тодорскій, россіянинъ. Въ Галлѣ, іюня 1735 г.»

Всѣ названныя книги по содержанію своему принадлежатъ къ разряду сочиненій, писанныхъ представителями нѣмецкой религіозной партіи, извѣстной въ исторіи подъ именемъ піетистовъ.

Названныя изданія служатъ вопросомъ: какимъ образомъ

и откуда очутился въ Галлѣ русскій шрифтъ, которымъ напечатаны переводы Тодорскаго? Сравнивая эти книги съ извѣстными русскими изданіями, выходившими въ началѣ XVIII столѣтія въ Амстердамѣ, — не трудно увидать, что русскій шрифтъ галльскихъ изданій одинъ и тотъ же съ амстердамскими, только въ первыхъ исключены всѣ силы надъ словами, а также отброшены сокращенія.

Мы говорили выше, что въ русской типографіи Тессинга было напечатано нѣсколько произведеній поляка Копіевскаго или Копіевича, который, разссорясь съ Тессингомъ, завелъ свою типографію, шрифтъ которой отъ первой можно особенно легко отличить по очертанію буквъ *к*, *ш* и *ы* и по большей тонкости всѣхъ вообще литеръ. Но какимъ образомъ типографія Копіевскаго попала въ Галль, еще не выяснено.

Русскія изданія въ Галлѣ были поводомъ къ начатію въ Россіи въ 1743 г. дѣла [1]), любопытнаго въ томъ отношеніи, что въ немъ приведены всѣ постановленія, которыя, по мнѣнію дѣлопроизводителя, относились до правъ на оффиціальное разсмотрѣніе литературныхъ произведеній, напечатанныхъ или обращавшихся внутри Россіи.

Изъ состоявшагося доклада (4 ноября 1743 г.) по этому дѣлу читаемъ:

«Понеже книга О истинномъ христіанствѣ автора Арнда, въ прошломъ 1735 г. въ нѣмецкомъ городѣ Галлѣ и прочія и т. д... въ синодѣ оныя не свидѣтельствованы. Всемилостивѣйшая государыня, всенижайше вашему императорскому величеству представляется, чтобъ вашего императорскаго величества высочайшимъ указомъ повелѣно было всѣмъ всякаго званія людямъ учинить подтвержденіе, дабы тѣ, кто у себя имѣютъ воспомянутыя книги, съ иностранныхъ

[1]) Это дѣло напечатано въ «Библіографическихъ запискахъ» 1861 г., т. III, стр. 39.

на россійскій языкъ переведенныя и внѣ всероссійской имперіи напечатанныя россійскимъ діалектомъ, богословскіе термины въ себѣ содержащія и до церкви святой и до церковнаго ученія принадлежащія, отъ сунода не свидѣтельствованныя, безъ всякаго у себя удержанія объявили въ С.-Петербургѣ въ сунодѣ, а въ Москвѣ въ сунодальной конторѣ, а въ епархіяхъ архіереямъ». И дѣйствительно нашлись люди, начиная съ Лифляндіи до Сибири, которые представляли экземпляры книги Арида, сочиненіе котораго «О истинномъ христіанствѣ» было у насъ переведено и издано въ другой разъ въ 1784 г. и въ третій въ 1801 г. Тогдашніе масоны особенно дѣятельно занимались распространеніемъ разныхъ мистическихъ и благочестивыхъ книгъ, и одинъ изъ нихъ, Иванъ Тургеневъ, долгомъ счелъ снова познакомить русскихъ читателей съ классическимъ въ своемъ родѣ твореніемъ родоначальника нѣмецкихъ піетистовъ. Въ Петербургѣ узнали объ этомъ намѣреніи и предписали московской управѣ благочинія отобрать листы этой книги. Управа благочинія отвѣчала (19 февраля 1785 г.), что показанная книга (Арида) напечатана въ вольной типографіи уголовной палаты предсѣдателя Лопухина, иждивеніемъ, какъ онъ объявляетъ, г. генералъ-аншефа и кавалера, кн. Михаила Никитича Волконскаго, которому всѣ тѣ экземпляры и отданы, о чемъ управа и донесла главнокомандующему Москвы, яко совсѣмъ зависящая отъ его распоряженія; на что и получила предложеніе, что упомянутый г. генералъ-аншефъ далъ знать его сіятельству г. главнокомандующему, что та книга подлинно была по его совѣту печатана и цензурована ректоромъ, архимандритомъ Павломъ, и по дозволенію управы благочинія напечатана, какъ то въ именномъ, 1783 г. января 15 дня, ея императорскаго величества указѣ повелѣно, и что дозволеніе дано тогда бывшимъ оберъ-

полицмейстеромъ Островскимъ. Экземпляры же розданы разнымъ людямъ и въ наличности, по объявленію издателей, не имѣется.

Отвѣтъ этотъ подалъ поводъ къ разспросамъ архимандрита Павла, который отвѣчалъ: «реченную книгу онъ не цензоровалъ, ибо ему о томъ, какъ о нѣкоторыхъ другихъ книгахъ предписывалось, никакого повелѣнія не было», а далѣе говорилъ, что читалъ по личной просьбѣ полковника Ивана Тургенева начало перевода *«онаго Арнда»*, и прочтя написалъ ему, что въ немъ противнаго не находитъ. Тѣмъ все это дѣло и окончилось, такъ какъ въ немъ замѣшаны были лица съ огромными связями при дворѣ, именно Лопухинъ и кн. Волконскій.

Московская типографская библіотека. Вышеупомянутая Московская типографія долгое время была единственною въ Россіи, и потому дѣятельность ея не ограничивалась тѣснымъ кругомъ печатанія церковныхъ книгъ. Съ ея исторіею связаны труды *справщиковъ*; а во второй половинѣ XVI в. въ ней издавалось уже немало книгъ разнаго содержанія. Въ XVIII столѣтіи въ ней печатались и даже переводились (при участіи директора типографіи О. Поликарпова) книги, по приказанію Петра I. а при императрицѣ Екатеринѣ II здѣсь издавались русскія лѣтописи подъ наблюденіемъ митрополита Платона [1]).

---

[1]) Лѣтописаніе было на Руси сначала частнымъ дѣломъ и притомъ главнымъ образомъ монаховъ, какъ лицъ, обладавшихъ и наибольшимъ досугомъ и наибольшею образованностью для этого дѣла. Но князья рано стали понимать всю важность его и всю опасность оставленія такого дѣла въ частныхъ рукахъ, не регламентированныхъ и внѣ всякаго контроля. Такимъ образомъ въ Галичѣ уже въ XIII в. видимъ зародыши оффиціальной лѣтописи, а въ началѣ XV в. встрѣчаемся съ нею и въ Москвѣ, гдѣ она съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе крѣпнетъ, ростетъ и вытѣсняетъ частныя лѣтописи. Настоящими творцами московской оффиціальной лѣтописи

Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича типографская библіотека получила новое капитальное приращеніе, основаніе которому было положено при Михаилѣ Θеодоровичѣ при возстановленіи книгопечатанія, послѣ смутнаго времени, когда снова начали дѣятельно собирать на печатный дворъ книги и рукописи, заключавшія въ себѣ матеріалы и пособія для предпринимаемыхъ печатныхъ изданій. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ при печатномъ дворѣ было основано училище, изъ котораго возникла потомъ Академія, царь повелѣлъ тогда же устроить новое зданіе для библіотеки и дѣятельно заботился о пополненіи ея учеными и учебными пособіями.

По каталогу 1721 года въ библіотекѣ числилось 3.555 книгъ на разныхъ языкахъ (раритетныхъ, т. е. рѣдкихъ 66, латинскихъ 1.083, славянскихъ 1.741, греколатинскихъ 128, греческихъ 244, польскихъ 261, нѣмецкихъ 17, еврейскихъ 15). Въ типографской библіотекѣ составилось собраніе петровскихъ и елизаветинскихъ изданій, а также изданій библейскаго общества.

Въ настоящее время типографская библіотека состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: I-й изъ нихъ заключаетъ въ себѣ до 600 рукописей, изъ которыхъ 187 харатейныхъ, большею частью церковно-служебныхъ; II-й отдѣлъ книгъ церковной печати—заключаетъ въ себѣ изданія разныхъ древне-славянскихъ типографій и преимущественно московской. Въ

были высшіе русскіе іерархи, но патріархъ Никонъ пытался гальванизировать умирающее дѣло московскаго лѣтописанія, если и не ведя вновь лѣтописи, то хотя собирая все уже написанное до него и сводя во-едино. Въ результатѣ и получился лѣтописный сводъ, изданный Шлецеромъ подъ именемъ Никоновской лѣтописи. Θеофанъ Прокоповичъ былъ послѣднимъ русскимъ лѣтописцемъ, его лѣтопись, изданная Львовымъ въ 1798—99 гг., въ 4-хъ частяхъ, является однако простою риторической компиляціей безъ всякаго научнаго значенія.

III-мъ отдѣлѣ собраны книги иностранныя (греческія, латинскія, польскія, нѣмецкія и др.), въ особенности заслуживаютъ вниманія весьма рѣдкія и важныя по содержанію польскія книги.

Къ библіотекѣ присоединенъ теперь и типографскій музей, вмѣщающій въ себѣ уцѣлѣвшія орудія древне-русскаго книгопечатанія, каковы: образцовый первопечатный станокъ, пунсоны и матрицы XVII в., словолитная форма древней конструкціи, рѣзная словолитная доска для печатанія антиминсовъ, походный—книгопечатный станокъ Петра I и др. Всѣ эти вещи даютъ наглядное понятіе о степени развитія типографской техники въ допетровское и петровское время.

Упомянемъ еще, что въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ первомъ его отдѣленіи, хранятся всѣ дѣла печатнаго приказа и печатной конторы съ 1611 г. по 1763 г.

Появленіе въ русскихъ книгахъ гравюръ на деревѣ, мѣди, а также и отдѣльныхъ лубочныхъ картинокъ. Первыя отдѣльныя картинки при книгахъ славянской печати появляются въ Библіи, изданной въ Прагѣ докторомъ Франциской Скориною (1517—19 г.). Впрочемъ картинки эти, по отличной работѣ, по сочиненію и художественному исполненію, не имѣютъ ничего общаго съ гравюрами, встрѣчающимися въ прочихъ славянскихъ книгахъ. Особенно хорошъ портретъ доктора Скорины, сидящаго за столомъ въ своемъ кабинетѣ. Вверху листа находится гербъ Скорины: луна и солнце, а внизу монограмма мастера.

Въ Венеціи изданныя первыя славянскія книги (Часословецъ 1493 г. и др.) не имѣютъ гравюръ. Нѣсколько позже, въ Октоихѣ 1537 г. встрѣчается гербъ Божидара, а также вырѣзанная заставка съ изображеніями Св. Козьмы,

Іоанна Дамаскина и Преп. Іосифа, а въ общей Минеѣ 1538 г. картинка, изображающая Рождество Христово.

Въ Россіи первая гравюра на деревѣ — изображеніе Евангелиста Луки, появилась въ видѣ приложенія къ первой, напечатанной, по царскому повелѣнію, въ Москвѣ, книгѣ Апостолъ (1564 г.). Отдѣльные гравированные листки появляются гораздо позже, во второй четверти XVII столѣтія, а листы, назначенные собственно для народнаго чтенія, такъ называемыя лубочныя картинки появились не ранѣе конца XVII и начала XVIII вѣка. Обстоятельное ихъ описаніе сдѣлано сенаторомъ Д. А. Ровинскимъ, въ его замѣчательномъ трудѣ «Русскія народныя картинки». Въ извѣстномъ смыслѣ, это цѣлая литература, ожидающая особой обработки, и обнимающая, въ своемъ составѣ, весь обиходъ умственныхъ и нравственныхъ и какъ бы эстетическихъ потребностей народной малограмотной толпы. По по настоянію духовныхъ владыкъ, запрещено было (послѣ 1674 г.) продавать какъ листы, неискусно рѣзанные и отпечатанные на бумагѣ, торговыми людьми, такъ и листы, напечатанные нѣмецкими — еретиками, и приказано отбирать ихъ безцѣнно и истреблять, взыскивая съ продавцовъ большую пеню. Только въ 1700 г., какъ выше сказано, дозволено было Ив. Тессингу ввозить въ Россію карты и всякіе печатные листы.

Въ произведеніяхъ русской гравюры на деревѣ можно различать только двѣ школы — Московскую и Кіево-Львовскую. Въ продолженіи 250 лѣтъ своего существованія гравированіе на деревѣ въ Россіи постепенно развивалось.

Въ XVIII вѣкѣ стали появляться гравюры на мѣди, которыя мало по-малу вытѣсняютъ гравюру на деревѣ. Первый гравированный листъ на мѣди былъ приложенъ къ книгѣ «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей», напечатанной въ Москвѣ въ 1647 г.,

который, по словамъ же В. В. Стасова, былъ гравированъ и печатанъ въ Голландіи.

Первыми граверами русскими въ Москвѣ были: — Трухменскій, Бунинъ; въ Кіевѣ — Тарасевичъ, Щирскій, Галаховскій, — они прямо копировали съ иностранныхъ образцовъ, и художественнаго достоинства, за исключеніемъ досокъ Тарасевича, искать между ними нельзя.

Въ царствованіе Петра I, когда Государю необходимо было прославлять свои побѣды и праздники, вызваны были изъ Амстердама въ Россію граверы Шхонебекъ и Пикаръ, обучившіе своему искусству многихъ русскихъ граверовъ. Граверы, состоявшіе при Пикарѣ — Матвѣевъ, Мякишевъ и Любецкій, не произвели ничего замѣчательнаго; талантливѣе ихъ былъ Алексѣй Ростовцевъ, учившійся гравировать въ Москвѣ, у библіотекаря Василія Кипріанова (См. о немъ въ «Рус. Архивѣ» 1866 г. стр. 1291), и гравировавшій вмѣстѣ съ нимъ доски стѣннаго Брюсова календаря. Ростовцевъ въ 1726 г. прекрасно скопировалъ двѣ баталіи съ гравюръ Лармесена, и участвовалъ почти во всѣхъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ надзоромъ Пикара, съ которымъ, по словамъ Штелина, Петръ I обращался какъ съ товарищемъ и ѣздилъ съ нимъ въ однихъ саняхъ во время прогулокъ. Послѣ кончины Петра Великаго русскіе граверы, вышедшіе изъ школы Шхонебека, принялись за гравированіе картинокъ почти лубочной работы, для насущнаго пропитанія. Такимъ образомъ гравированіе низошло на степень ремесла, такъ что для обновленія его въ новоучрежденную Академію Наукъ принуждены были вызвать гравера Вортмана изъ Касселя.

Вортманъ образовалъ много хорошихъ граверовъ изъ русскихъ учениковъ и въ числѣ ихъ Качалова и Соколова, которые отличались чистотою и блескомъ рѣзца, но не умѣли

рисовать. Соколовъ заслужилъ такую славу своими работами, что, по увольненіи Вортмана въ 1745 г., былъ сдѣланъ на его мѣсто старшимъ мастеромъ. Онъ подражалъ во всемъ Вортману, и въ искусствѣ гравированія рѣзцомъ даже превзошелъ его. Со смертію Соколова кончается существованіе школы Вортмана; для обученія академическихъ учениковъ выписанъ былъ первоклассный европейскій граверъ Шмидтъ, у котораго учениками были: Герасимовъ, Васильевъ, Колпаковъ и Чемесовъ; они въ совершенствѣ усвоили манеру Шмидта, но съ отъѣздомъ его изъ Россіи и смертію Чемесова, гравюра русская стала быстро падать. Въ царствованіе Павла I была потрачена масса денегъ на гравированіе видовъ города Павловска и Гатчины съ картинъ любимца Государя, пейзажиста Щедрина. Лучшими же граверами на мѣди начала и средины настоящаго вѣка были Уткинъ и Іорданъ, а теперь единственнымъ представителемъ этой отрасли искусства является бывшій профессоръ Академіи Художествъ — И. Пожалостинъ.

Теперь гравюра на мѣди является рѣдкостью и даже гравюра на деревѣ замѣняется какъ болѣе дешевымъ способомъ - цинкографіею, фототипіею и друг.

Мѣропріятія по книгопечатанію съ 1747 по 1800 годъ. Въ 1747 г. при Академіи Наукъ были устроены двѣ типографіи, одна для печатанія книгъ на иностранныхъ языкахъ, а другая на русскомъ. Въ 1753 г. приказано было завести типографію при кіевской митрополіи, для печатанія въ ней церковныхъ и присылаемыхъ изъ Палестины и изъ другихъ странъ книгъ, на греческомъ и польскомъ языкахъ. Въ 1756 г. учреждена была типографія при Московскомъ университетѣ, а въ слѣдующемъ году при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ томъ же году приказано было не брать пошлинъ съ свинцовыхъ литеръ, выпи-

сываемыхъ изъ-за границы. Въ 1759 г. основана была типографія при артиллеріи и фортификаціи; въ 1761 г. учреждена особая типографія съ причисленіемъ ея къ Сенатской, для печатанія книгъ, переводимыхъ надв. совѣтникомъ Волковымъ. Въ 1763 г. явилась типографія и при военной коллегіи; въ 1764 г. подтверждено запрещеніе печатать узаконенія и указы въ другихъ типографіяхъ, кромѣ Сенатской. Наконецъ, въ 1771 г. монополія содержанія типографій казною пала и дана привилегія иноземцу Гартунгу на заведеніе въ С.-Петербургѣ «первой вольной типографіи», но съ ограниченіемъ печатать только иностранныя книги и объявленія. Въ 1776 г. книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шнору выдали привилегію на заведеніе въ Петербургѣ собственной типографіи для печатанія книгъ на иностранныхъ и русскомъ языкахъ, и привилегія эта не препятствовала и другимъ основывать подобныя заведенія: въ этомъ же году дозволено было епископу римско-католическихъ церквей въ Бѣлоруссіи имѣть въ заведенной имъ при консисторіи типографіи русскія буквы для печатанія русскихъ книгъ. Въ 1778 г. вышеупомянутому Шнору [1]) разрѣшено было завести въ г. Твери вольную типографію. Въ 1780 г. запрещено всѣмъ типографіямъ перепечатывать академическія изданія. Въ 1779 г. завели типографію при училищѣ бомбардирской роты Преображенскаго полка, а въ 1783 г. въ Москвѣ при архивѣ иностранныхъ дѣлъ, для печатанія трактатовъ, заключенныхъ между Россіею и другими державами. Въ томъ же году обнародовано дозволеніе заводить типографіи во всѣхъ городахъ Имперіи, съ освидѣ-

[1]) Въ 1785 г. въ Петербургѣ учреждена была казенная типографія для татарской, арабской и чувашской печати, съ четырьмя станами. Управлялъ этою типографіей Шноръ. Въ ней было отпечатано три изданія «Алькорана», каждый разъ по 1,200 экземпляровъ.

тельствованіемъ печатныхъ книгъ управами благочинія. Несмотря на это, правительство для нуждъ казны продолжало заводить типографіи; такъ, въ 1783 г. основана типографія при петербургскомъ губернскомъ правленіи; дано исключительное право Брейткопфу печатать всѣ книги, издаваемыя отъ коммисіи училищъ; въ 1784 г. разрѣшено было придворному книгопродавцу Вейтбрехту завести особую типографію для кабинета и коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ 1785 г. основана типографія при московскомъ губернскомъ правленіи, а въ 1786 г. разрѣшено главному управленію училищъ устроить свою типографію, съ запрещеніемъ перепечатывать учебныя книги и ландкарты безъ его дозволенія.

Въ 1787 г. предоставлено было право кіевской академіи завести городскую типографію, а въ 1790 г. позволено учредить въ Могилевской губерніи типографію для печатанія еврейскихъ духовныхъ книгъ. Покровительствуя книгопечатанію, правительство нашло нужнымъ усилить надзоръ за типографіями и ввести нѣкоторыя ограниченія. Такимъ образомъ въ 1786 г. повелѣно было присылать въ Синодъ извѣстія о всѣхъ заведенныхъ или заводимыхъ типографіяхъ, а въ слѣдующемъ году запретили всѣмъ типографіямъ печатать молитвенники и церковныя книги, или относящіяся къ Священному писанію и къ Православной вѣрѣ. Въ послѣдній годъ своего царствованія Императрица Екатерина II нашла нужнымъ сперва упразднить всѣ типографіи, заведенныя частными лицами, кромѣ устроенныхъ по Высочайшему повелѣнію, а потомъ и «рѣшительно всѣ частныя» и оставила только типографіи, находившіяся при присутственныхъ мѣстахъ и при казенныхъ училищахъ, и духовныя. Одновременно было запрещено типографіямъ печатать и издавать книги, безъ просмотра и одобренія цензуры, а наблюденіе за типографіями, находившимися при Синодѣ и духовныхъ учили-

щахъ, было возложено на попеченіе и распоряженіе Синода и епархіальныхъ архіереевъ. Но, уничтожая частныя типографіи, Екатерина II, для успѣховъ книгопечатанія, дозволила завести типографіи въ губернскихъ городахъ при намѣстническихъ правленіяхъ.

Гоненіе на типографіи было начато послѣ извѣстнаго дѣла противъ Н. И. Новикова, который, поселясь въ Москвѣ съ 1779 г., взялъ на 10 лѣтъ на откупъ университетскую типографію. Это десятилѣтіе (1779—1789) принадлежитъ къ важнѣйшимъ фактамъ въ исторіи нашего просвѣщенія и литературы. Университетская типографія заняла видное мѣсто между лучшими европейскими типографіями. Въ три года (1779 — 1782) она выпустила больше книгъ, чѣмъ за всѣ прежніе 24 года ея существованія. Открыто было нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, именно въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородскѣ, Глуховѣ, и Кіевѣ. Стараясь всячески пріохотить публику къ чтенію, Новиковъ первый завелъ вольную (публичную) библіотеку для безденежнаго пользованія книгами.

Примѣръ Новикова, говоритъ покойный академикъ Галаховъ, показываетъ, что̀ можетъ совершить умный и талантливый человѣкъ, когда онъ дѣйствуетъ отъ имени твердыхъ началъ, имѣя въ виду высшія потребности согражданъ и подкрѣпляя свое слово нравственнымъ достоинствомъ своей жизни. Безъ надлежащаго воспитанія и ученія, незнавшій ни одного иностраннаго языка, «не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ», Новиковъ привлекъ къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ людей, для которыхъ нравственное возвышеніе общества составляло главную задачу цивилизаціи. Его книжное дѣло было гражданскимъ подвигомъ, заслужившимъ общественную благодарность. Важность этихъ

заслугъ указывалъ еще Карамзинъ, въ «Запискѣ о Новиковѣ, представленной Императору Александру I въ 1818 году».

Въ 1797 г. Императоръ Павелъ I отдалъ повелѣніе «объ упраздненіи всѣхъ типографій, кромѣ состоящихъ при присутственныхъ мѣстахъ; изъ этого въ 1798 г. сдѣлано было два полуисключенія: состоявшую въ Астрахани армянскую типографію приказано отдать въ управленіе армянскаго архіепископа и оставлена типографія въ Дерптѣ, съ тѣмъ, чтобы она не выпускала никакихъ сочиненій безъ одобренія рижской цензуры. Въ 1800 г. запрещена продажа типографскихъ литеръ, за исключеніемъ типографщиковъ. Съ 1801 г. запрещенія на типографіи стали уничтожаться: въ этомъ году разрѣшено частнымъ типографіямъ печатаніе книгъ съ одобренія цензуры, и вмѣнено въ обязанность означать типографію на заглавномъ листѣ. Въ 1802 г. дозволено заводить типографіи во всѣхъ городахъ, съ соблюденіемъ правилъ, при томъ же обнародованныхъ, и съ запрещеніемъ печатать въ нихъ книги церковныя и относящіяся къ вѣрѣ. Въ 1803 г. сдѣлано предположеніе объ учрежденіи типографій при всѣхъ высшихъ училищахъ. Въ 1804 г. опредѣлены отношенія типографій къ цензурнымъ комитетамъ. Затѣмъ, впродолженіе царствованія Александра I, издано нѣсколько постановленій объ учрежденіи вновь нѣкоторыхъ казенныхъ типографій и о преобразованіи уже существовавшихъ; важнѣйшимъ было устройство типографій при губернскихъ правленіяхъ и университетахъ.

Въ заключеніе сказаннаго, приводимъ слѣдующія строки изъ любопытной статьи «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи», напечатанной въ 1802 г., въ журналѣ «Вѣстникъ Европы».

«За 25 лѣтъ передъ симъ,—говоритъ авторъ статьи,—было въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали

въ годъ и на 10 тысячъ руб. Теперь ихъ 20-ть и всѣ вмѣстѣ выручаютъ ежегодно около 200.000 руб.»

Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экз., а Новиковъ, сдѣлавъ ихъ богаче содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ статьямъ разныя другія и началъ выдавать при «Вѣдомостяхъ» даромъ «Дѣтское чтеніе», которое своею новизною и разнообразіемъ, несмотря на ученическіе переводы, нравилось публикѣ, и чрезъ 10 лѣтъ число подписчиковъ увеличилось до 4.000 человѣкъ. Съ 1797 газеты сдѣлались важными для Россіи Высочайшими приказами и другими государственными извѣстіями и стали расходиться въ Москвѣ въ числѣ 6.000 листовъ въ день.

Въ 1802 г. въ большой модѣ былъ Коцебу, котораго, какъ нѣкогда въ Парижѣ книгопродавцы требовали «Персидскихъ писемъ» отъ всякаго сочинителя, такъ русскіе книгопродавцы требовали отъ переводчиковъ Коцебу, одного Коцебу. Романы расходились также болѣе всего.

Объ учрежденіи типографіи въ Харьковѣ, и другихъ городахъ. Инниціаторомъ заведенія въ Харьковѣ типографіи былъ губернаторъ Евдокимъ Щербининъ, и на его предложеніе по сему предмету преосвященный бѣлградскій и обоянскій Самуилъ писалъ, отъ 9 августа 1769 г., слѣдующія строки: «Дозвольте мнѣ, Ваше Превосходительство, коротко изъяснить мои мысли о пользѣ, отъ типографіи происходящей, слѣдующими одного изъ славныхъ ученыхъ писателей европейскихъ словами.—Онъ говоритъ, что типографія собственно есть какъ бы нѣкоторая мануфактура въ Государствѣ, которая оному приноситъ честь и

прибыль». А далѣе преосвященный высказывалъ свои соображенія на счетъ цензуры: «Одного еще безъ свѣдѣнія Вашего Превосходительства оставить не могу. Общее спокойствіе государства, и безопасность каждаго гражданина въ особливости, требуетъ, чтобы не дозволено было издавать книги, опроверженіями Божія закона исполненныя, Самодержавію и отечеству противныя, также сочиненія язвительныя и соблазнительныя, могущія повредить сердце и душу молодыхъ людей или привести невинность въ злодѣяніе. Таковыхъ сочиненій авторы недостойны носить сіе имя, а должны почитаться вредительными гадинами въ каждомъ благоустроенномъ человѣческомъ обществѣ. Въ семъ разсужденіи — по заведеніи типографіи, первой пунктъ будетъ предметомъ духовной команды; второй преимущественно имѣетъ зависѣть отъ власти Вашего Превосходительства; а надъ послѣднимъ надзираніе отдать директорамъ училищъ. Но все то легко отвратить можно, если при учрежденіи типографіи предписано будетъ, какія именно піэсы дѣлать, и въ печать принимать, какія книги переводить, кому и какъ оныя свидѣтельствовать. По моему мнѣнію, всѣ сіи обстоятельства въ планѣ о типографіи неминуемо надобно изъяснить. Я уповаю, что верховныя наши правительства не оставятъ вникнуть во всѣ подробности сего дѣла» (См. «Епархіальныя Курскія Вѣдомости» 1874 г. № 1, стр. 32—42). Кромѣ того въ прошломъ вѣкѣ типографіи были: въ Тулѣ, Орлѣ, Калугѣ, Вологдѣ, Владимірѣ, Костромѣ, Тамбовѣ и въ крѣпости св. Елизаветы (?), въ послѣдней отпечатана книга «Кофейный домъ въ 1765 г.»; въ Ярославлѣ, устроенная губернаторомъ А. П. Мельгуновымъ; въ ней издавался первый областной журналъ «Уединенный пошехонецъ», который въ теченіи года не уклонялся отъ своей программы — изслѣдованія своего края.

Кочевая или походная типографія князя Потемкина-Таврическаго. Типографія эта была взята кн. Потемкинымъ изъ Военной коллегіи (1 августа 1787 г.), во время путешествія Императрицы Екатерины II въ полуденную Россію, и находилась при немъ: въ Кременчугѣ по 6 іюля 1789 г., въ Елисаветградѣ по 11 декабря того же года, въ Яссахъ по 15 іюля 1790 г., въ Бендерахъ по 1 января 1791 г., потомъ опять въ Яссахъ по 5 декабря 1791 г., и опять въ Кременчугѣ по 9 мая 1792 г.; въ Архангельскомъ шанцѣ по 23 іюня 1792 г., и снова въ Кременчугѣ по 28 іюня 1793 г. По смерти князя Потемкина типографія его въ іюнѣ 1793 г. была доставлена тайнымъ сов. В. С. Поповымъ къ бывшему екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому, который передалъ ее въ вѣдѣніе Екатеринославскаго приказа общественнаго призрѣнія.

Приказъ этотъ, не получая отъ типографіи выгодъ, предполагалъ ее уничтожить, но мѣстное губернское правленіе, имѣя надобность въ печатаніи указовъ, посылаемыхъ подчиненнымъ мѣстамъ въ публикаціи, постановило содержать эту типографію на свой счетъ. Печатаніе въ Потемкинской походной типографіи производилось: на русскомъ, французскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ. Латинскія или французскія буквы были куплены кн. Потемкинымъ въ Лембергѣ, во время нахожденія типографіи въ Яссахъ. Латинскихъ буквъ было на полный листъ набора, греческихъ — на двѣ страницы; русскихъ же также на листъ — шрифта парагонъ; большаго миттеля — на $1^1/_2$ листа; малаго миттеля на листъ; корпуса — на $^1/_2$ страницы; курсива: парагону — на одну страницу; большаго миттеля — тоже на одну страницу, а украшеній пять сортовъ, каждаго понемногу.

При походной типографіи находился одинъ станокъ для печатанія картъ и картинъ, на которомъ печатались и дво-

рянскія грамоты. Станковъ же для печатанія книгъ было четыре. Въ типографіи этой были напечатаны слѣдующія книги:

1) Канонъ—вопіющія въ грѣхахъ души ко Спасителю Господу Іисусу. Кременчугъ 1791 г.

2) Изслѣдованіе Христіанства, перев. съ англійск. Лука Сичкаревъ. Яссы 1790 г.

3) Опытъ о человѣкѣ Попие; пер. съ фр. Ник. Поповскій. Яссы 1791 г.

4) Названіе древнихъ судовъ. Бендеры 1790 г.

5) Наставленіе сыну, соч. Вл. Золотницкаго. Екатеринославъ (Новороссійскъ) 1796 г.

6) Начальное ученіе французскаго языка. О. Заставскаго, тамъ же 1800 г.

Служившіе при типографіи: типографъ Иванъ Гениихъ, находившійся прежде, въ 1784 г., въ типографіи военной коллегіи типографомъ бумагъ, печатаемыхъ на иностранномъ языкѣ, и словолитнымъ мастеромъ, а съ 1793 г. типографомъ въ Екатеринославѣ съ жалованьемъ: отъ кн. Потемкина по 600 р., а отъ Приказа по 25 р., корректоръ 100 р., наборщиковъ 4 по 60 р., тередорщикъ 50 р., батырщикъ 45 р., сторожъ 25 р.

Въ такомъ состояніи типографія находилась въ вѣдѣніи Приказа до 1807 г., а затѣмъ она вѣроятно поступила въ вѣдѣніе губернскаго правленія и послужила основаніемъ нынѣшней типографіи при немъ. (Взято изъ «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» т. IV).

Сибирская и сельскія типографіи помѣщиковъ и раскольниковъ. Еще въ 1705 г. обращался къ Петру I Филоѳей Лещинскій съ просьбою разрѣшить ему открыть типографію въ Сибири, но разрѣшенія не послѣдовало, и первый станокъ явился въ Тобольскѣ въ 1789 г. Это была

первая сибирская типографія, которая принадлежала мѣстному 1-й гильдіи купцу Василію Корнильеву, имѣвшему свою бумажную фабрику. Объ открытіи типографіи Тобольское намѣстническое управленіе извѣстили печатнымъ указомъ (5 апрѣля 1789 г.), разославъ его во всѣ присутственныя мѣста и учрежденія намѣстничества.

Первая книга, напечатанная въ типографіи Корнильева, какъ видно изъ упомянутаго указа объ ея открытіи, была переводная съ французскаго языка повѣсть: «Училище любви». Съ открытіемъ типографіи въ Тобольскѣ сталъ издаваться первый мѣстный журналъ [1]): «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену», подписная цѣна котораго была 3 р. Въ 1790 г. журналъ этотъ имѣлъ 186 подписчиковъ, а въ 1791 г. уже только 106, и затѣмъ прекратилъ свое существованіе. Неразошедшіеся по подпискѣ экземпляры «Иртыша» раздавались долго въ награду ученикамъ Тобольскаго главнаго народнаго училища, оказавшимъ лучшіе успѣхи въ наукахъ.

Въ прошломъ вѣкѣ въ селахъ великорусскихъ губерній существовало нѣсколько типографій, изъ нихъ извѣстны три:

1) По разсказамъ старожиловъ знаменитый Новиковъ печаталъ книги въ селѣ Пехлецѣ, Рязанской губерніи, Ряжскаго уѣзда, 26 верстъ не доѣзжая Ряжска.

2) Бригадиръ Иванъ Герасимовичъ Рахманиновъ завелъ типографію въ имѣніи своемъ, селѣ Казинкѣ, Козловскаго

---

[1]) Говоря о первомъ журналѣ въ Сибири, нельзя не упомянуть, что въ г. Красноярскѣ у Г. В. Юдина находится замѣчательная библіотека (въ 8-ми комнатахъ. въ 120 шкафахъ), имѣющая много рѣдкихъ книгъ; такъ, въ ней нашелся единственно уцѣлѣвшій экземпляръ идилліи Ломоносова «Полидоръ», посвященной гр. К. Г. Разумовскому.

уѣзда, Тамбовской губерніи. Издатель «Русскаго Архива» П. И. Бартеневъ говоритъ, что «козловскій помѣщикъ Пав. Алекс. Сальковъ передавалъ ему, что отецъ его въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II былъ посланъ начальствомъ изъ Тамбова запечатать эту типографію».

3) Въ селѣ Разуваевкѣ, Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, находилась типографія помѣщика и стихотворца Ник. Еремеевича Струйскаго, бывшаго нѣкогда губернаторомъ во Владимірѣ. Будучи страстнымъ охотникомъ писать стихи и печатать ихъ, онъ завелъ у себя въ деревнѣ типографію спеціально для печатанія своихъ произведеній. Наборщики и мастеровые были изъ крѣпостныхъ людей. Внукъ Струйскаго (который былъ два раза женатъ и имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей; поэтъ Полежаевъ былъ также его сыномъ) листами своего дѣда оклеивалъ стѣны домовъ. Была типографія и у князя Бѣлосельскаго (бывшаго посланника въ Туринѣ) въ селѣ Ясномъ, а также у графа Орлова въ Петергофѣ.

Но ранѣе этихъ типографій существовала раскольничья типографія въ посадѣ Клинцахъ, принадлежащемъ къ числу 17 стародубскихъ слободъ, образовавшихся послѣ стрѣлецкаго мятежа, отъ поселенія бѣглыхъ изъ Россіи раскольниковъ; въ этой типографіи въ 1781 г. была издана книга: «Діоптра альбо зерцало и выраженіе живота людскаго на семъ свѣтѣ». Кто былъ издателемъ этой книги, неизвѣстно. Послѣ указа 15 января 1789 г., когда позволено было во всѣхъ городахъ заводить типографіи и печатать книги, съ разрѣшеніемъ полицейской цензуры, дѣятельность Клинцовской типографіи стала увеличиваться, такъ что въ 1786 г. въ ней было отпечатано нѣсколько книгъ. Въ это время типографію содержалъ купецъ Клинцовскаго посада Дм. Рукавишниковъ, потомъ она перешла къ другому купцу того

же посада, Якову Желѣзникову, который вмѣстѣ съ сыномъ своимъ въ 1787 г. успѣлъ ее пріобрѣсти въ полную собственность. При Желѣзниковѣ въ продолженіи 1787 г. въ Клинцахъ были напечатаны: а) Аввы (преподобнаго) Дороѳея поученія душеполезныя къ своимъ ученикамъ въ переводѣ съ греческаго; б и в) Канонникъ, въ 8-ю и 4-ю долю листа; г) Діоптра, новымъ изданіемъ; д) Слово о лжепророкахъ и ложныхъ учителяхъ; е) Сынъ церковный; ж) Лимонарь, сирѣчь цвѣтникъ, иже во святыхъ отца нашего Софронія патріарха іерусалимскаго, и нѣсколько другихъ. Чтобы яснѣе видѣть быстроту, съ которою работали тогда въ типографіи, мы приведемъ одинъ фактъ изъ ея дѣятельности. Книга «Лимонарь», состоящая изъ 201 страницы, была отпечатана въ продолженіи трехъ недѣль, слѣдовательно на всякій день типографіи приходилось отпечатать до 10 страницъ. Такая поспѣшность раскольниковъ въ изданіяхъ была не столько потребностію къ чтенію, сколько стремленіемъ воспользоваться дарованіемъ права печатанія, къ безпрепятственному распространенію своего ученія. Вслѣдствіе этого права они отдавали на разсмотрѣніе мѣстной цензуры предназначавшіяся къ изданію книги, и дозволеніе этой цензуры печатали на выходныхъ листахъ такъ: «а прежде—печатанная же книга (слѣдуетъ ея названіе) по вышеименованному указу свидѣтельствована нижнимъ земскимъ суражскимъ судомъ и подписана онаго суда присутствующими, съ которой нынѣ сія книга перепечатана». Тѣ же книги, которыя подлежали разсмотрѣнію духовнаго правительства, Клинцовская типографія печатала тайно, и эти изданія, весьма рѣдкія, очень уважаются раскольниками, какъ противныя церкви. Такъ, издана была

нѣсколько разъ «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ, яже за благочестіе, святые церковные законы и преданія въ настоящія времена пострадаша». Хотя на выходномъ листѣ этой книги не означено мѣсто изданія, но самое содержаніе и направленіе подсказываетъ, откуда она вышла. Когда указомъ 1788 г. запрещено было всѣмъ свѣтскимъ типографіямъ печатать церковныя, или къ св. писанію и православной вѣрѣ принадлежащія книги, тогда оффиціальная дѣятельность раскольнической типографіи должна была прекратиться. Съ этихъ поръ не встрѣчается книгъ съ помѣткою, что онѣ печатаны въ Клинцахъ, но зато много находимъ такихъ, на которыхъ нѣтъ ни года, ни изданія. Такія-то книги и суть произведенія Клинцовскаго посада. Впрочемъ, не однимъ этимъ способомъ типографія распространяла потомъ свои изданія; на большей части ихъ она ложно означала города — Варшаву, Гродно, Почаевъ, Несвижъ и т. д., и такимъ образомъ, удаляя отъ себя подозрѣніе правительства, достигала цѣли. Въ этомъ легко убѣдиться, если просмотрѣть нѣсколько изданій, напр. почаевскихъ, 1795 г., которыя всѣ почти носятъ явные слѣды точной перепечатки съ древнихъ рукописныхъ переводовъ или съ изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ и ранѣе книгъ. Такая же перепечатка постоянно была характеристическою чертою и всѣхъ клинцовскихъ изданій.

Первые книгопродавцы въ Петербургѣ. Указъ Императрицы Екатерины II, отъ 15 января 1783 г., разрѣшившій заводить «вольныя типографіи», способствовалъ издательской дѣятельности. Выше нами было сказано о заслугахъ Новикова въ Москвѣ, какъ издателя и книгопродавца; по его идеѣ и совѣту московскіе книгопродавцы, Полежаевъ и Глазуновъ, одни изъ первыхъ открыли въ Петербургѣ книжныя лавки въ 1783 г. До 1760 г. книжная

палата Академіи Наукъ [1]) была единственною въ Петербургѣ; она управлялась факторомъ, и въ ней продавали также иностранныя книги. Вторая книжная лавка была открыта Вейтбрехтомъ и носила названіе «Императорской книжной лавки». Въ 1793 г. для продажи иностранныхъ книгъ были книжныя лавки: Клостермана, Эверса, Гея, Миллера и Росиини.

Почипъ же устройства перваго русскаго книжнаго магазина принадлежитъ В. С. Сопикову. До него въ столицѣ нашей существовали только книгопродавцы-иностранцы; а ранѣе того русскіе же сочинители продавали свои произведенія преимущественно у переплетчиковъ или у себя на дому. Такъ, Тредьяковскій на переводѣ «Исторіи Роленя» на заглавной страницѣ печаталъ:

О добродѣи!
Сей переводъ Роленя
Продается въ 13 линеи,
Домъ зелена крыша.

Сопиковъ родился въ 1765 г. и происходилъ изъ купеческаго званія. Свою торговую дѣятельность онъ началъ въ Москвѣ, а въ 1788 г. переселился въ С.-Петербургъ и находился сидѣльцемъ въ книжной лавкѣ Кольчугина, торговавшаго по преимуществу Новиковскими изданіями. Затѣмъ, онъ сталъ вести торговлю самостоятельно. Его дѣятельность по книжной торговлѣ продолжалась около 20-ти лѣтъ. Любя книги, онъ, кромѣ торговли, занимался библіографіею и составилъ замѣчательный, для своего времени, трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ «Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на славянскомъ и россійскомъ языкахъ, отъ начала заведенія

[1]) См. соч. Бочагова «Книжная палата Академіи Наукъ» 1728—1740 г. Спб. 1893 г.

типографій до 1813 г.», 5 частей. Митрополитъ Евгеній являлся душою библіографическаго предпріятія Сопикова и много ему помогалъ, особливо по части о славянскихъ книгахъ и въ статьѣ исторіи славяно-русскихъ типографій. Бывшій тогда помощникомъ директора Императорской Публичной Библіотеки, А. Н. Оленинъ, обратилъ серьезное вниманіе на труды и познанія Сопикова и хлопоталъ объ опредѣленіи его на службу въ библіотеку. По представленію Оленина, директоръ Императорской Публичной Библіотеки, графъ А. С. Строгановъ, опредѣлилъ «находящагося не у дѣлъ, сочинителя «Опыта россійской библіографіи», г. Сопикова» помощникомъ библіотекаря, 12-го іюля 1811 г. Затѣмъ, по ходатайству того же Оленина, Сопиковъ, 2 го сентября 1811 г. былъ произведенъ въ чинъ XIV класса, съ исключеніемъ изъ купеческаго званія. Выдающимся событіемъ въ дальнѣйшей жизни Сопикова была командировка его изъ С.-Петербурга въ Олонецкую губернію, куда вывезены были книги и рукописи въ 1812 г., во время нашествія Наполеона. Командировка эта продолжалась съ конца сентября по 19-ое декабря 1812 г., когда онъ возвратился съ книгами обратно, «по минованіи опасности для Петербурга». За усердное исполненіе этого порученія Оленинъ выразилъ Сопикову признательность отъ себя и отъ Публичной Библіотеки. Возвратясь изъ Олонецкой губерніи, Сопиковъ принялся за библіографію и съ 1813 г. приступилъ къ печатанію «Опыта», но болѣзнь и смерть († 22 іюня 1818) помѣшали ему довести свой трудъ до конца, и часть первоначально задуманнаго имъ плана осталась неисполненною. Послѣдній (5-й) томъ по матеріаламъ Сопикова издалъ В. Г. Анастасевичъ въ 1821 г. Всѣхъ книгъ у Сопикова исчислено 13.249.

Послѣ Сопикова изъ всѣхъ книгопродавцевъ того времени отличался В. А. Плавильщиковъ, прибывшій изъ Москвы

въ Петербургѣ тоже въ 1788 г. Онъ происходилъ изъ купеческаго званія; его мать принадлежала къ дворянской фамиліи Баскаковыхъ. Извѣстный актеръ-писатель П. А. Плавильщиковъ былъ его роднымъ братомъ. Сперва онъ взялъ въ аренду губернскую и театральную типографію, а затѣмъ открылъ первую книжную торговлю въ Гостиномъ дворѣ, а съ 1815 г. его книжная торговля находилась у Синяго моста, гдѣ также помѣщалась и его библіотека, единственная въ то время въ С.-Петербургѣ и весьма замѣчательная по своему составу. Библіотеку свою онъ началъ собирать съ 1814 г. и 10-го сентября 1815 г. открылъ ее для публики. Тогда библіотека состояла только изъ 1.800 названій книгъ. Въ 1817 г. изданъ былъ каталогъ, въ которомъ уже значилось 3.000 названій, а въ 1820 г., при изданіи большаго систематическаго каталога, въ его библіотекѣ состояло болѣе 7.000 названій книгъ, такъ что въ этой библіотекѣ недоставало немногихъ книгъ изъ числа указанныхъ въ «Опытѣ россійской библіографіи» Сопикова. Систематическій каталогъ вышелъ въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова, систематическимъ порядкомъ расположенная. Въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1820 г.». Къ этой росписи было издано три прибавленія, за 1820, 1821 и 1822 гг., содержащихъ въ себѣ около 1.000 заглавій книгъ. Плавильщиковъ занимался также издательскою дѣятельностію и имѣлъ свою типографію, кромѣ того онъ, по словамъ старѣйшаго изъ книгопродавцевъ — букиниста Ивана Ильича Ильина (См. «Сѣверную Пчелу» 1845 г. № 24, стр. 94), былъ въ сношеніи и съ баснописцемъ И. А. Крыловымъ, который содержалъ типографію съ тогдашнимъ литераторомъ Алекс. Ив. Крушинымъ († 1804 г.), а потомъ съ актеромъ Рыкаловымъ, знаменитымъ комикомъ, и книгопродавецъ Плавиль-

щиковъ былъ съ ними въ компаніи. Типографія эта была нѣкоторое время въ рукахъ И. И. Ильина, вмѣстѣ съ Похорскимъ, и они напечатали первую книгу басенъ Крылова и издали первый портретъ его. За тѣмъ типографія осталась за Похорскимъ и получила названіе театральной типографіи. Плавильщиковъ умеръ 14-го августа 1823 г. Магазинъ, библіотеку и типографію онъ передалъ, по духовному завѣщанію, своему приказчику А. Ф. Смирдину, поступившему къ нему въ 1817 г.

Смирдинъ былъ сынъ московскаго мѣщанина, торговавшаго полотномъ, родился въ Москвѣ 21 января 1795 г. Смирдинъ обучался торговлѣ у дяди своего И. А. Ильина, съ 1807 г., а потомъ поступилъ приказчикомъ къ книгопродавцу Ширяеву. По просьбѣ В. А. Плавильщикова дать ему хорошаго для торговли человѣка, Ширяевъ рекомендовалъ Смирдина, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1817 г. Своими способностями онъ вскорѣ заслужилъ расположеніе своего хозяина, который, умирая, передалъ ему по духовному завѣщанію все свое дѣло. Въ 1833 г. Смирдинъ перевелъ магазинъ отъ Синяго моста на Невскій проспектъ, въ домъ Петропавловской церкви, и снялъ очень большое помѣщеніе въ бэль-этажѣ, за огромную по тому времени наемную плату 12,000 руб. ассигнаціями въ годъ. Дѣла его пошли великолѣпно. 19-го февраля 1833 г. онъ праздновалъ новоселье и на своемъ праздникѣ видѣлъ у себя почти всѣхъ извѣстныхъ тогда литераторовъ. Многіе изъ нихъ, по предложенію В. А. Жуковскаго, вызвались подарить Смирдина какимъ-либо произведеніемъ, и, годъ спустя, изъ этихъ подарковъ Смирдинъ составилъ литературный сборникъ, изданный въ 2-хъ томахъ, подъ заглавіемъ «Новоселье, 19 февраля 1833 г.» Третій томъ вышелъ значительно позже — въ 1848 г. Въ предисловіи къ этому сборнику издатель говорилъ: «Простой

случай — перемѣщеніе книжнаго магазина моего на Невскій проспектъ (19-го февраля 1832 г.) доставилъ мнѣ счастье видѣть у себя на новосельѣ почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ.

«Гости-литераторы, изъ особенной благосклонности ко мнѣ, вызвались, по предложенію В. А. Жуковскаго, подарить меня на новоселье каждый своимъ произведеніемъ и вотъ — дары, коихъ часть издаю нынѣ 19-го февраля 1833 г.». Въ первомъ томѣ, между прочимъ, встрѣчались имена: Пушкина, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Жуковскаго, Крылова, Козлова, Гнѣдича. Въ второмъ томѣ была помѣщена «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

Какъ издатель журнала «Библіотека для чтенія», основаннаго въ 1834 г., Смирдинъ съумѣлъ привлечь къ участію въ немъ всѣхъ лучшихъ литераторовъ 30-хъ годовъ. «Библіотека для чтенія», редактировавшаяся Сенковскимъ, расходилась въ количествѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ экземпляровъ, т. е. была самымъ распространеннымъ журналомъ своего времени. О дружескихъ отношеніяхъ къ Смирдину тогдашнихъ литераторовъ свидѣтельствуетъ также и то обстоятельство, что въ его магазинѣ они любили сходиться, чтобы побесѣдовать о всякихъ литературныхъ новостяхъ. Это тоже былъ своего рода «тихій кабинетъ музъ». Измайловъ, въ своемъ посланіи къ Смирдину, между прочимъ, говорилъ:

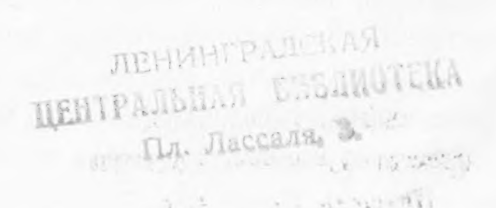
«Когда къ вамъ ни придешь,
То литераторовъ всегда у васъ найдешь,
И въ умной дружеской бесѣдѣ,
Забудешь иногда, ей-ей, и объ обѣдѣ!»

Магазинъ Смирдина, который имѣлъ свою типографію и переплетную мастерскую, былъ центромъ книжной торговли

для всей Россіи. Изданія его расходились въ тысячахъ экземпляровъ. Такъ, напримѣръ, басни Крылова Смирдинъ напечаталъ въ 44.000 экземплярахъ и продавалъ по 4 руб. ассигнаціями, вмѣсто прежнихъ 15-ти, заплативъ при этомъ автору за право изданія 40.000 руб. ассигнаціями. Смирдинъ явился первымъ книгопродавцемъ, поставившимъ себя, а за собою и всю торговлю, въ правильныя отношенія къ литературѣ и читателямъ. Увеличивъ свое дѣло до громадныхъ размѣровъ, Смирдинъ на немъ же потерялъ все свое состояніе. Чтобы поправить дѣло, Смирдину разрѣшена была правительствомъ два раза безпроигрышная литературная лотерея, по 1 руб. за билетъ, съ правомъ выигрыша книги цѣнностью отъ 1 до 50 руб., и съ однимъ выигрышемъ въ 1.000 руб. преміи. Билеты расходились быстро, лотерея разыгралась, но не поправила дѣла, Смирдинъ умеръ въ бѣдности 16-го сентября 1857 г. Петербургскіе книгопродавцы, въ пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооруженіе ему памятника, издали «Сборникъ литературныхъ статей, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца-издателя», вышедшій въ 6-ти частяхъ. Послѣ смерти Смирдина, торговлю продолжалъ его сынъ, но безуспѣшно. А затѣмъ процвѣтали фирмы Исакова, Кожанчикова, Пономара, Базунова и др.

За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ русская журналистика и книгопечатное дѣло, съ увеличеніемъ грамотности въ нашемъ народѣ, быстро ростутъ. Въ настоящее время въ одномъ С.-Петербургѣ насчитывается болѣе 200 редакцій и до 150 типо-литографій, по всей вѣроятности не много менѣе ихъ въ Москвѣ, а также имѣется значительное число въ другихъ университетскихъ городахъ, каковы Харьковъ, Казань, Кіевъ, Одесса и Варшава; кромѣ того нѣтъ го-

рода въ Россіи, въ которомъ бы не было типографіи, что видно изъ перечня, печатающагося въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» за 1895 г., и слуги печатнаго дѣла составляютъ многочисленную армію, вооруженную свинцовыми буквами. Съ изобрѣтеніемъ стереотипа дѣло печатанія значительно ускорилось. Чтобы судить, до чего доходитъ быстрота печати, довольно сказать, что въ часъ можетъ быть напечатано отъ 15 до 20 тысячъ экземпляровъ большихъ газетныхъ листовъ, причемъ листъ складывается автоматически и выкидывается машиною совсѣмъ готовымъ для чтенія. Всѣ новѣйшія усовершенствованія печатнаго дѣла, представляющія послѣднее слово техники, читатель найдетъ на Первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла, которая служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что русское печатное дѣло стоитъ у насъ почти на той же высотѣ, какъ и за границей, и работы исполняются большею частью русскими рабочими, какъ напримѣръ Товарищество «Общественная Польза» — имѣетъ типографію, гдѣ нѣтъ ни одного рабочаго нерусскаго, а также и нѣкоторыя другія типографіи. Пожелаемъ-же Россіи имѣть побольше подобныхъ заведеній, свидѣтельствующихъ о способностяхъ русскаго человѣка!

Оглавление.

